Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Казанский (Приволжский) федеральный университет»

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ НАУК И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ

КАФЕДРА РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ

Направление подготовки 48.04.01 - Теология

Профиль «История и теология ислама»

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИСЛАМСКОГО ФЕМИНИСТСКОГО ДИСКУРСА

Магистрант
Группа 13.1-614
«1» июня 2018 г. Э.Р. Мухамеджанова

Научный руководитель
к. и. н., асс.
«1» 06 2018 г. Д.С. Брилева

Заведующий кафедрой
д. ф. н., доцент
«1» 06 2018 г. Л.С. Астахова

Казань – 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ДИСКУРСА 9
§ 1.1 Понятие прагмалингвистики 9
§ 1.2 Прагмалингвистические категории выбора и речевой деятельности 13
§ 1.3 Речевое воздействие как объект изучения прагмалингвистики 17
§ 1.4 Понятие коммуникативных стратегий и тактик 20
§ 1.5 Дискурс как ключевое понятие прагмалингвистики 23
§ 1.6 Проблема соотношения понятий «текст» и «дискурс» 28
ГЛАВА II. ИСЛАМСКИЙ ФЕМИНИСТСКИЙ ДИСКУРС В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ 35
§ 2.1 Феминизм: происхождение понятия и его трактования в современной науке 35
§ 2.2 К понятию и истории исламского феминизма 40
§ 2.3 Место исламского феминизма в типологии направлений феминизма 43
§ 2.4 Особенности исламского феминизма 46
§ 2.5 Принципы исламского феминизма 50
§ 2.6 Исламская феминистская герменевтика 54
ГЛАВА Ш. ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСЛАМСКИХ ФЕМИНИСТОК 62
§ 3.1 Анализ коммуникативных стратегий и тактик статьи суад эддуада: «реализация исламского феминизма: дело о реформе семейного кодекса марокко» 62
§ 3.2 Анализ коммуникативных стратегий и тактик статьи м. бадран «исторический обзор конференций по исламскому феминизму: распространения и новые вызовы» 67
§ 3.3 Анализ коммуникативных стратегий и тактик статьи найерех тохиди «кроме исламского феминизма: женщины и представительство в демократическом движении ирана» 72
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 76
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 78

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее исследование посвящено определению прагмалингвистического потенциала высказываний современных исламских феминисток. Данная работа выполнена в русле таких научных направлений, как прагмалингвистический анализ дискурса, исследования по теории феминистского дискурса. Она посвящена изучению особенностей исламского феминистского дискурса (на материале феминистской прессы). При этом исследование не ограничивается только рамками лингвистического анализа текста, поскольку дискурс является порождением определенной социальной практики и в этой связи требует привлечения не только лингвистических, но и экстралингвистических данных для его адекватного описания. В фокусе внимания диссертации оказывается, тем самым, религиозная (исламская) и феминистская культуры как таковые, как совокупность исторически сложившихся устойчивых представлений, убеждений и ориентаций.

Актуальность работы обусловлена возросшим интересом современной лингвистики к изучению языка в тесной связи с практической деятельностью человека. Исследовательский интерес к исламскому феминистскому дискурсу обусловлен также глобальностью и противоречивостью поднимаемых исламскими феминистками проблем и сложностями, с которыми они сталкиваются в условиях социальной коммуникации.

Поскольку исследование религиозного феминистского дискурса требует многоаспектного подхода и предполагает рассмотрение определенного круга вопросов междисциплинарного характера, проводя исследование, мы опирались на данные лингвистики, психологии, истории, философии, теологии и культурологии.

Целью настоящего исследования является характеристика исламского феминистского дискурса с прагмалингвистической точки зрения.

Для достижения указанной цели необходимо решить следующие

задачи:

1) Рассмотреть теоретические аспекты прагмалингвистики и дискурс-анализа;

2) Изучить понятие и историю исламского феминизма, его особенности и принципы;

3) Проанализировать публицистические тексты исламского феминистского дискурса с точки зрения стратегий и тактик говорящих;

4) Сделать выводы и заключения по теме исследования.

Объектом данной работы является исламский феминистский дискурс, который понимается как речевая деятельность мусульманок, стремящихся к гендерному равенству и социальной справедливости, базой для понимания и воплощения которых выступает Коран.

В основе исследования лежит определение дискурса как «речи, погруженной в жизнь», «связного текста в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие»[1].

Предметом данной работы выступают лингвопрагматические особенности актуализации исламского феминистского дискурса в публицистическом тексте.

Степень изученности проблемы. Исследование речевого общения остается одним из активно разрабатываемых в наши дни направлений научных поисков лингвистов. Выбором оптимальных средств, с помощью которых происходит успешное воздействие на адресата, и которые используются в достижении поставленной цели в речевом общении, занимается такой молодой раздел языкознания, как прагмалингвистика.

Данное исследовательская работа исходит из следующих общих положений, получивших освещение в научной литературе:

---

[1] Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – 112 с.

1. Дискурс неразрывно связан с экстралингвистическими факторами: в нём отражаются характеристики его участников, а также особенности его контекста (Арутюнова[2], Карасик[3], Кибрик[4], Сусов[5], Матвеева, Ленец, Петрова[6], Баженова[7], Кубрякова[8], Макаров[9], Чернейко[10], Белошапкова[11], Столнейкер[12], Степанов[13], Pike[14], Schiffrin[15], Rorty[16]).

2. Выбор говорящим оптимального варианта высказывания обусловлен целым рядом факторов, к которым относятся: цель, мотив, ситуация коммуникантов с их социальными и психологическими личностными качествами (Якобсон[17], Барт[18], Щерба[19], Матвеева[20], Формановская[21]).

3. Посредством языка происходит не только обмен информацией, но и воздействие на собеседника (Стернин[22], Тарасов[23],

---

[2] Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1973. – №1. – С. 85-95.
[3] Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5-20.
[4] Кибрик А.А. Обосновано ли понятие «Дискурс СМИ»? // А.Г. Пастухов. Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. – Орел: OGIIK, 2008. – С. 6-11.
[5] Сусов И.П. К предмету прагмалингвистики // Содержательные аспекты предложения и текста. Калинин: КГУ. – 1983. – С. 3-15.
[6] Матвеева Г.Г., Ленец А.В., Петрова Е.И. Основы прагмалингвистики. – М.: Флинта, 2013. – 232 с.
[7] Баженова И.С. Эмоции, прагматика, текст: Монография. – М.: Изд-во «Менеджер», 2003. – 392 с.
[8] Кубрякова Е.С., Александрова О.В. О контурах новой парадигмы знания в лингвистике // Структура и семантика художественного текста. Доклады VII международной конференции. – М.: 1999. – С. 186-197.
[9] Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 277 с.
[10] Чернейко Л.О. Термин дискурс: поиски означаемого // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2006. – №2. – С. 34–41.
[11] Белошапкова Т.В. Когнитивно-дискурсивная парадигма лингвистического знания: принцип анализа дискурса (на материале категории аспектуальности) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2008. – №5. – С. 214-218.
[12] Столнейкер Р.С. Прагматика // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. Под ред. Е.В. Падучевой. Вып. 16. – М.: Прогресс, 1985. – С. 419-438.
[13] Степанов Ю. С. В поисках прагматики (проблема субъекта) // Известия АН СССР. Сер. лит. и языка. – 1981. – №4. – С. 325-332.
[14] Pike, K. L. The Mystery of Culture Contacts, Historical Reconstruction, and Text Analysis: an Emic Approach. The Importance of Purposive Behavior in Text Analysis. Edited by Kurt R. Jankowsky. Washington: Georgetown University Press. – 1996. – P. 65–86.
[15] Schiffrin, D. Approaches to Discourse. Oxford: Basil Blackwell. – 1994. – P. 20-43.
[16] Rorty R. Philosophy as a Kind of Writting. Consequences of Pragmatism. Brighton. – 1982. – P. 107-108.
[17] Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм "за" и "против". – М.: Прогресс, 1975. – С. 193-230.
[18] Барт Р. Основы семиологии // Структурализм «за» и «против». – М.: Прогресс, 1975. – С. 114-163.
[19] Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л: Наука, 1974. – 428 с.
[20] Матвеева Г.Г. Объективные и субъективные ограничения свободы выбора коммуникантом лингвистических единиц // Личность, речь и юридическая практика. Вып. 10. Ч.2. – Ростов-на-Дону: Дюи, 2007. – С. 9-13
[21] Формановская Н.И. Речевой этикет и культура общения. – М.: Высшая школа, 1989. – 159 с.
[22] Стернин И.А. Фактор адресата в речевом воздействии // Вестник ВГК. Серия Филология. Журналистика. – 2004. – №1. – С. 171-178.

Иссерс[24], Басенко[25], Дридзе[26], Кашкин[27], Карпова, Морева[28]).

4. Дискурс – текст в совокупности с ситуацией его порождения, текст является видовым по отношению к термину дискурс (Богданов[29], Кубрякова[30])

Исследований, посвящённых истории и типологии феминизма как теории равенства полов довольно много (Брандт[31], Айвазова[32], Малышева[33], Жеребкина[34], Успенская[35]). Однако, феномен исламского феминизма недостаточно изучен. Термин «исламский феминизм» начал использоваться глобально только в 1990-х гг. Исследования, посвящённые содержанию понятия, истории и принципам исламского феминизма обнаруживаются преимущественно у зарубежных авторов (Muhammad Salman[36], Moghadam[37], Zamila Abdul Rani[38], Afshari Reza[39]).

Научная новизна исследования заключается в том, впервые

---

[23] Тарасов Е. Ф. Методологические и теоретические проблемы речевого воздействия // Оптимизация речевого воздействия / отв. ред. Р. Г. Котов. – М.: АН СССР, Ин-т языкознания, 1990. – С. 5-18.

[24] Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – 5 изд. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 288 с.

[25] Басенко Г.В. Понятие речевого воздействия в комплексе смежных наук // Прагмалингвистика и практика речевого общения: сб. науч. тр. междунар. науч. конф. (28.11.2008 г.). – Ростов-на-Дону: ИПО ПИ ЮФУ, 2008. – С. 51-55.

[26] Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. – М.: Высшая школа, 1980. – 224 с.

[27] Кашкин В. Б. Введение в теорию коммуникации: учеб. пособие. //
М.: Флинта, 2013. – 224 с.

[28] Карпова Н.А., Морева А.В. Коммуникативные тактики побуждения в речевом жанре (на материале административного объявления в русском и немецком языках) // Язык и культура. – 2010. – №1. – С. 24-32.

[29] Богданов В.В. Текст и текстовое общение. – СПб: Санкт-Петербургский государственный университет, 1993. – 68 с.

[30] Кубрякова Е.С., Александрова О.В. О контурах новой парадигмы знания в лингвистике // Структура и семантика художественного текста. Доклады VII международной конференции. – М.: 1999. – С. 186-197.

[31] Брандт Г.А. Современный феминизм: переворот в историко философской традиции Западной Европы // Адам и Ева. Альманах гендерной истории, – М.: ИВИ РАН, 2003. – № 6. – С. 148-198.

[32] Айвазова С.Г., Хасбулатова О.А. Гендерные аспекты политической социологии // Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. –М.: РОССПЭН, 2004. – 260 с.

[33] Малышева О.П. Коммуникативные стратегии и тактики в публичных выступлениях (на материале речей американских и британских политических лидеров) // Серия: Филология. – 2009. – С. 206-209.

[34] Жеребкина И.М. Теория и история феминизма. Курс лекций. – Харьков: ХЦГИ, 1996. – 387 с.

[35] Успенская В.И. Феминизм до феминизма: идея равноправия полов в истории европейской социальной мысли, XV(XVIII) вв. // Гендерный калейдоскоп. – Тверь, 2000. – 42 с.

[36] Muhammad S., Dr. Arab Naz, Waseem K., Umar D., Qaiser K., Muhammad H., Feminist Discourse Analysis in Islamic Feminism. Global Journal of human social sciences, Political Science. – 2003. – Vol. 13. – P. 29-36.

[37] Moghadam, V.M. Islamic Feminism and its discontents: Towards a Resolution of the Debate. Journal of Women in Culture and Society, 27(4), 2002. P. – 1135 – 1171

[38] Zamila Abdul Rani, What is islamic feminism? Promoting cultural change and gender equality, Proceeding of the 2nd International Conference on Management and Muamalah. – 2015. – P. 248-254.

[39] Afshari, Reza. “Egalitarian Islam and Misogynist Islamic Tradition: A Critique of the Feminist Reinterpretation of Islamic History and Heritage // Critique. – 1994. – Vol. 4 – P. 13-33.

предпринимается прагмалингвистический анализ выбранных текстов исламского феминистского дискурса на русском языке, выявляются его лингвопрагматические характеристики.

Теоретическая значимость исследования определяется её актуальностью и новизной и заключается в обобщении, уточнении, расширении научных представлений о характере и своеобразии отношений между языковыми единицами и условиями их употребления в определенном коммуникативно-прагматическом пространстве на примере изучения текстов исламского феминистского дискурса.

Практическая ценность выполненной работы состоит в возможности применения результатов исследования при изучении актуальных вопросов прагмалингвистики, дискур-анализа, теории феминизма, гендерологии и антропологии ислама. Кроме того, материалы и результаты исследования могут быть использованы при составлении учебных пособий и при подготовке вузовских лекционных курсов по названным дисциплинам.

В качестве источников исследовательского материала использовались публицистические статьи исламских феминисток на английском языке, опубликованные за последние 10 лет (2008-2018).

Многоаспектный характер работы обусловил выбор комплекса **методов исследования**, использовавшихся во взаимосвязи и взаимодействии, среди которых ведущими являются метод прагмалингвистического и контекстуального анализа, а также теоретический анализ, описательный метод, включающий в себя наблюдение и классификацию исследуемого материала.

Цель и задачи исследования определили **структуру работы**. Данное исследование состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованной литературы.

Во введении обосновывается актуальность исследовательской работы, сформулированы цель, задачи и методология исследования, раскрывается степень изученности проблемы.

В первой главе «Теоретические основы прагмалингвистического исследования дискурса» обобщаются основные теоретические положения науки прагмалингвистики и теории дискурс-анализа, рассматриваются теоретические аспекты исследования.

Вторая глава «Исламский феминистский дискурс в историческом аспекте» посвящена изучению истории исламского феминизма, содержания понятия «феминизм» и «исламский феминизм», его основных особенностей и принципов как важных экстралингвистических составляющих прагмалингвистического исследования.

Третья глава «Прагмалингвистический анализ речевой деятельности исламских феминисток» посвящена исследованию коммуникативных стратегий и тактик в статьях Суад Эддуады, Марго Бадран и Найерех Тохиди.

В заключении подводятся итоги исследования, формируются окончательные выводы по проделанной работе.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ДИСКУРСА

§ 1.1 Понятие прагмалингвистики

Прагмалингвистика разрабатывает темы, которые имеют длительную историю изучения в таких дисциплинах, как теория речевого акта, лингвистика текста, функциональная грамматика, психолингвистика, социолингвистика, этнолингвистика. Прагмалингвистика как наука развивается сегодня быстрыми темпами, анализируя речевые проявления человека с учетом социальных, индивидуально-личностных, гендерных, культурных и национальных факторов.

В отечественных исследованиях одним из широко употребляемых определений прагмалингвистики является следующее: «прагмалингвистика – дисциплина, которая включает комплекс вопросов, связанных с говорящим субъектом, адресатом, их взаимодействием в коммуникации, ситуацией общения»[40]. Данная дефиниция не противоречит определению И.П. Сусова, согласно которому прагмалингвистика – это область лингвистических исследований, имеющих своим объектом отношение между языковыми единицами и условиями их употребления в определенном коммуникативно-прагматическом пространстве, в котором взаимодействуют говорящий/пишущий и слушающий/читающий и для характеристики которого важны конкретные указания на место и время их речевого взаимодействия, связанные с актом общения, цели и ожидания.

Объектом прагмалингвистики выступают воздействующие функции языка, реализуемые в зависимости от целей, задач, намерений и интенций отправителя текста[41]. Предметом прагмалингвистики является выбор

---

[40] Арутюнова Н.Д. Прагматика // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. Гл. ред. В.И. Ярцева. – М: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 389-390.

[41] Матвеева Г.Г. Некоторые проблемы прагмалингвистики // прагмалингвистика и практика речевого общения: сб. Науч. Тр. Междунар. Науч. Конф. (24.11.2007 г.). – Ростов-на-Дону: ИПО ПИ ЮФУ, 2007. – С. 208.

отправителем текста оптимальных языковых единиц из набора равнозначных для наилучшего воздействия на получателя текста[42]. Критерий оценки сделанного выбора – успешность и эффективность речевого общения.

Основные задачи прагмалингвистики сводятся к попыткам ответить на три вопроса: 1. Зачем вступают коммуниканты в речевое общение? 2. Почему речевое общение коммуникантов реализуется в данном конкретном виде?

3. Как действуют коммуниканты в речевом общении?

Первая задача состоит в раскрытии цели и мотивов речевого общения коммуникантов, без наличия которых коммуниканты не вступают в речевое общение. Необходимо отметить, что цели и мотивы – категории не лингвистические и изучаются в системе психологических наук.

Вторая задача заключается в объяснении истоков речевых действий коммуникантов, т.е. причин, по которым они выбрали в данных конкретных условиях именно данные конкретные языковые и речевые единицы. Эти причины также лежат за пределами лингвистики и могут быть объяснены с позиции социологии. Согласно социологическим исследованиям выбор коммуникантами лингвистических единиц зависит от происхождения, воспитания, образования, среды общения, национально-культурных и индивидуальных особенностей и многого другого.

Третья задача состоит в выявлении потенциальных возможностей и реализации выбора речевых и языковых единиц для производства и обмена текстами. С этой позиции важно, какие именно единицы выбираются и каков механизм этого выбора. При ответе на этот вопрос приходится обращаться к разным психологическим механизмам выбора единиц – осознаваемому и привычному, а также к учету разных прагмалингвистических категорий.

Лингвистическая прагматика представляет собой тот участок лингвистической теории, который эксплицирует коммуникативную сторону

---

[42] Степанов Ю. С. В поисках прагматики (проблема субъекта) // Известия АН СССР. Сер. лит. и языка. – 1981. – №4. – С. 325.

языкового функционирования и употребления[43]. Лингвопрагматика, по определению И.С. Баженовой, представляет собой аспект речевой деятельности, связанный с сознательным, целенаправленным выбором языковых средств для наиболее эффективного воздействия на собеседника с целью вызвать у него определенные эмоции, мысли, чувства, действия[44]. Р.С. Столнейкер дает определение прагматики как науки, изучающей язык в его отношении к тем, кто его использует[45]. Следовательно, процесс коммуникации напрямую связан с лингвистической прагматикой, так как любая информация всегда воспринимается и интерпретируется человеком. Исламский феминистический дискурс коммуникативен, то есть содержит некую информацию, которую автор передает реципиенту. Эта информация может служить для адресата источником знания о явлениях, событиях, но также являться источником оказания на адресата определённого эмоционального воздействия и побудить его к определенным действиям.

Прагмалингвистика занимается вопросами выбора говорящими различных языковых форм из набора равнозначных для оказания наилучшего воздействия на получателя.

Так как действие выбора может быть двух видов: осознаваемым и неосознаваемым, то в исследовательских целях для решения прагмалингвистических проблем на основании этого критерия было выделено два направления – функциональная и скрытая прагмалингвистика[46].

В функциональной прагмалингвистике исследуется осознаваемый, мотивированный и продуманный выбор четко оформленных языковых структурно-семантических единиц: слов, выражений и синтаксических конструкций. У этих единиц есть план содержания и план выражения. Любые нарушения плана выражения, т.е. грамматической правильности, позволяют

---

[43] Баженова И.С. Эмоции, прагматика, текст: Монография. – М: Изд-во«Менеджер», 2003. – С. 108.
[44] Там же. – С. 108.
[45] Столнейкер Р.С. Прагматика // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. Под ред. Е.В. Падучевой. Вып. 16. – М: Прогресс, 1985. – С. 419
[46] Матвеева Г.Г., Ленец А.В., Петрова Е.И. Основы прагмалингвистики. – М: Флинта, 2013. – С. 23.

получателю информации оценивать говорящего по нескольким критериям: по критерию образования, критерию социального статуса, критерию занимаемой должности и др. Цели речевого общения в таком случае ясны и определены – как правило, привлечь внимание слушателя, вызвать его реакцию, понравиться слушателю. Отправитель текста использует при этом разнообразные коммуникативные стратегии и тактики, которые проявляются в выборе иллокуций, в реализации намерений. В рамках этого направления проводится и наше исследование.

В рамках скрытой прагмалингвистики изучается неосознаваемый, привычный и мгновенный выбор лингвистических единиц, который в начале овладения любой деятельностью, в том числе и языковой, был имотивированным, в результате многократно повторяющихся действий в типичных ситуациях превращается в привычку, становится интуитивным и уже не осознается говорящим. Неосознаваемым может стать выбор грамматических, а также текстуальных категорий.

Функциональная и скрытая прагмалингвистика имеют черты сходства и различия. Общими у функциональной и скрытой прагмалингвистики являются объект и предмет исследования. Объктом исследования служит речевой материал, предметом исследования выступает выбор отправителем текста языковых средств из наличного репертуара для наилучшего воздействия. Общими у этих двух направлений прагмалингвистики является и ряд категорий, наиболее важны среди которых: категория выбора, категория речевой деятельности и речевого поведения, категория речевого акта, категория воздействия, категория пресуппозиции. Различаются эти два направления прагмалингвистики по критерию осознаваемости и по виду выбираемых лингвистических единиц[47].

[47] Матвеева Г.Г., Ленец А.В., Петрова Е.И. Основы прагмалингвистики. – М: Флинта, 2013. – С. 24.

§ 1.2 Прагмалингвистические категории выбора и речевой деятельности

Как одна из ведущих категорий прагмалингвистики категория выбора позволяет отграничить аспект прагмалингвистики от аспектов семантики и синтактики. При анализе текста критерием семантического аспекта является адекватность языковой единицы объективной реальности; критерием синтаксического аспекта выступает корректность организации языковых единиц на всех уровнях языка; критерием прагматического аспекта является удачное использование языковых единиц отправителем текста для оптимального воздействия на его получателя. Именно введение в лингвистическое исследование зависимости функционирования лингвистических единиц от таких экстралингвистических факторов, как коммуниканты, привело к смене парадигмы исследований в языкознании: от изучения языка в себе, как системы чистых отношений, языковеды обратились к изучению функционирования языка в условиях внеязыковой действительности[48].

Выбор говорящим оптимального варианта высказывания обусловлен целым рядом факторов, к которым кроме цели и мотива относится ситуация коммуникантов с их социальными и психологическими личностными качествами. Речевые прагмалингвистические воздействующие способы достижения одной цели разнообразны. В частности, это может быть выбор иллокуции просьбы, иллокуции совета, иллокуции приказа, иллокуции констатации. Достижение цели происходит через выбор высказываний, построенных по разным синтаксическим моделям – вопросительного, повелительного, повествовательного предложения. Также разнообразное лексическое заполнение компонентов модели[49].

---

[48] Там же. – С. 26.

[49] Матвеева Г.Г., Ленец А.В., Петрова Е.И. Основы прагмалингвистики. – М: Флинта, 2013. – С. 27.

В рамках функциональной прагмалингвистики, в пределах которой лежит наше исследование, изучается целенаправленный, мотивированный, намеренный выбор языковых единиц (лексем и синтаксических конструкций). из набора равнозначных для достижения оптимального воздействия на получателя текста.

Как уже отмечалось, с позиции прагмалингвистики интерес представляет прагматическая удачность высказывания. Для того чтобы сделать удачный выбор, надо уметь исполнять две операции – объединять несхожее (комбинация) и разъединять эквивалентное (селекция)[50],[51]. Селекцию, или выбор, производят на основе эквивалентности, подобия, а также на основании различия, синонимии, антонимии. Комбинация основывается на смежности, например, при построении предложения.

К внешним экстралингвистическим субъективным ограничениям можно отнести социальные характеристики условий осуществления речевого акта для обеспечения его воздействующей функции, в частности, компоненты речевого акта – отправитель текста, его получатель, сообщение, контекст, код, контакт[52],[53]. К внутрилингвистическим объективным ограничениям выбора лингвистических единиц относятся учет говорящим/пишущим языковых закономерностей организации языка для реализации информационной функции – системы языка в целом, уровневые свойства языковых единиц: фонетические, лексические, в том числе структуры слова, словосочетательные, предложенческие, в том числе порядок расположения элементов, текстовые.

Выбор говорящим/пишущим неограничен системно и ограничен функционально, стилистически, контекстуально и ситуативно.

---

[50] Барт Р. Основы семиологии // Структурализм «за» и «против». – М: Прогресс, 1975. – С. 137.
[51] Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм "за" и "против". – М: Прогресс, 1975. – С. 204.
[52] Там же. – С. 198.
[53] Матвеева Г.Г. Объективные и субъективные ограничения свободы выбора коммуникантом лингвистических единиц // Личность, речь и юридическая практика. Вып. 10. Ч.2. – Ростов-на-Дону: Дюи, 2007. – С. 9-13.

К социальным детерминантам, ограничивающим свободу выбора коммуникантом лингвистических единиц, относятся возраст, профессия, социальный статус, гендерная принадлежность и др. Все эти социальные детерминанты хранятся в памяти и знаниях коммуникантов и составляют их пресуппозиции, или фоновые знания[54]. Таким образом, выбор рассматривается как предпочтение говорящим пишущим из совокупности возможных вариантов высказывания тех из них, которые отвечают его коммуникативным целям и намерениям, а также внутрилингвистическим и экстралингвистическим условиям речевого общения для достижения оптимального воздействия на получателя текста.

Речевая деятельность в психологии рассматривается как один из видов деятельности человека наряду с трудовой, познавательной, игровой и т.п[55]. Речевая деятельность имеет три стороны: мотивационную, целевую и исполнительную. Речевая деятельность рождается из потребности. Далее, используя знаки, происходит планирование деятельности, ставится её конечная цель и намечаются средства её осуществления. Осуществляя деятельность, мы достигаем конечной цели. Единичный акт деятельности проявляется в единстве всех трех сторон[56].

В лингвистике определение речевой деятельности впервые было дано Л.В. Щербой[57], который выступал за троякий подход к языку и в качестве аспектов языка различал речевую деятельность, языковую систему (словарь и грамматику языка), языковой материал (совокупность всего говоримого и понимаемого в определенной обстановке). С этим определением связано распространенное в методике иностранных языков понятие «виды речевой деятельности», включающее говорение, аудирование, чтение и письмо.

---

[54] Матвеева Г.Г., Ленец А.В., Петрова Е.И. Основы прагмалингвистики. – М: Флинта, 2013. – С. 27.
[55] Леонтьев А.А. Слово в речевой деятельности. – М: Наука, 1965. – С. 20.
[56] Леонтьев А.А. Язык. Речь. Речевая деятельность [Текст]. – М: Просвещение, 1969. – С. 214.
[57] Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л: Наука, 1974. – С. 24-26.

Речевая деятельность представляет собой осознанную, мотивированную, зависящую от целей говорящего/пишущего деятельность[58]. Осознанность речевой деятельности поведения проявляется при реализации намерения. Под намерением понимается сознательное стремление завершить действие в соответствии с намеченной программой, направленной на достижение предполагаемого результата. Намерение – это особое образование психики, возникающее как результат целеполагания и подразумевающее продуманный и мотивированный выбор средств, с помощью которых человек собирается достичь поставленной цели[59]. Если же условия ожидания сложные, трудные, непривычные, длительные, то намерение выступает как внутренняя подготовка к исполнению таких действий. Исходя из этого определения, можно выявить свойства категории намерения. К ним относятся: психический источник образования, осознанность, наличие цели, мотивированности, планируемого результата, выбор средств для достижения поставленной цели.

Намерение рассматривается с позиции функциональной прагмалингвистики и представляет собой осознаваемое стремление к достижению намеченной цели. Такое намерение называется **иллокуцией** и совершается в рамках речевого акта.

Речевая деятельность складывается из речевых действий. Намеренный выбор речевого варианта адресант делает в соответствии с темой разговора, речевой ситуацией, соблюдая максимы речевого общения П. Грайса и максимы вежливости Дж. Лича, реализуя свои пресуппозитивные, личностные, национально-культурные, социальные и прочие характеристики, учитывая предполагаемую реакцию адресата[60].

---

[58] Формановская Н.И. Речевой этикет и культура общения. – М: Высшая школа, 1989. – С. 27-28.
[59] Матвеева Г.Г., Ленец А.В., Петрова Е.И. Основы прагмалингвистики. – М: Флинта, 2013. – С. 33.
[60] Там же. – С. 34.

§ 1.3 Речевое воздействие как объект изучения прагмалингвистики

Язык – важнейшее средство человеческого общения. Посредством языка происходит не только обмен информацией, но и воздействие на собеседника. «Мы говорим не только для того, чтобы выразить мысль, но также чтобы подействовать на других», писал еще в 1937 г. Ж. Вандриес в книге «Язык»[61].

Для современных научных исследований характерно формирование новой науки – науки о речевом воздействии[62].

Воздействие является одной из трех общественных функций языка, выделенных В.В. Виноградовым: общение, сообщение, воздействие. Тексты, которыми люди обмениваются в процессе общения, выполняют функцию сообщения и одновременно являются воздействующими, регулирующими поведение коммуникантов.

Речевое воздействие может быть рассмотрено в широком и узком смысле. В широком смысле – это любое речевое общение, взятое в аспекте его целенаправленности, целевой обусловленности, описанное с позиции одного из коммуникантов, когда он рассматривает себя как субъекта, а своего собеседника как объекта воздействия[63]. Быть субъектом речевого воздействия – значит регулировать деятельность своего собеседника, т.е. с помощью речи побудить другого человека начать, изменить, закончить какую-нибудь деятельность или создать у него готовность начать новую.

В узком смысле под речевым воздействием понимают использование отправителем текста особенностей устройства и функционирования знаковых систем с целью построения сообщений, обладающих повышенным воздействующим потенциалом на сознание и поведение адресата или

---

[61] Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю. – М: Соцэкгиз, 1937. – С. 237.
[62] Стернин И.А. Фактор адресата в речевом воздействии // Вестник ВГК. Серия Филология. Журналистика. – 2004. – №1. – С. 171
[63] Тарасов Е. Ф. Методологические и теоретические проблемы речевого воздействия // Оптимизация речевого воздействия / отв. ред. Р. Г. Котов. – М: АН СССР, Ин-т языкознания, 1990. – С. 5.

адресатов сообщения[64]. Язык выступает в роли инструмента координации совместной деятельности людей, а любой речевой акт – в качестве особой формы оказания воздействия на его адресата.

Речевое воздействие – это процесс влияния на сознание и деятельность адресата с помощью выбора языковых средств. Цель речевого воздействия заключается в регулировании социальных, межличностных отношений и ментальных состояний собеседников[65].

Речевое воздействие связано также с изменением смыслового поля адресата. Понятие смысла не получило еще четкого терминологического определения. Оно соотносимо с термином «коннотация», под которым понимается эмоциональная, оценочная или стилистическая окраска языковой единицы. Коннотация бывает закрепленной в значении слова, а бывает окказиональной. С позиции прагмалингвистики интерес представляет именно окказиональное значение, которое выражает человек, высказывая собственное субъективное мнение, отношение, понимание. Это субъективное дополнительное содержание и представляет собой смысловое поле.

Наряду с «полем смыслов» существует и «поле значений». Оно может быть представлено в виде структурированного общественного опыта, усвоенного индивидом. Поле значений – это тот фильтр, через который индивид «пропускает» полученную информацию. Теоретически поле значений людей, говорящих на одном и том же языке и входящих в одно и то же сообщество, должно совпадать, а смысловые поля могут быть разными. Успех речевого воздействия определяется именно удачной перестройкой у адресата смыслового поля, т. е. личностного отношения получателя текста к предмету разговора[66].

---

[64] Басенко Г.В. Понятие речевого воздействия в комплексе смежных наук // Прагмалингвистика и практика речевого общения: сб. науч. тр. междунар. науч. конф. (28.11.2008 г.). – Ростов-на-Дону: ИПО ПИ ЮФУ, 2008. – С. 52.

[65] Матвеева Г. Г. Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица ("портрета") говорящего: дис. ... д-р филологических наук наук: 10.02.19. – СПБ, 1993. – С. 4.

[66] Матвеева Г.Г., Ленец А.В., Петрова Е.И. Основы прагмалингвистики. – М: Флинта, 2013. – С. 36

Результатом воздействия может быть перестройка индивидуального сознания; изменение поведения; изменение эмоционального состояния; изменение знаний о мире; изменение отношения к событиям, реалиям мира.

Речевое воздействие подразделяется на прямое/непосредственное, косвенное/непрямое и скрытое. В основе такого разграничения лежит степень мотивированности и осознаваемости выбора отправителем текста различных речевых средств для выражения содержания текста и воздействия на получателя.

Рассмотрим косвенное непрямое воздействие как предмет нашего исследования. Данный вид воздействия осуществляется при осознанном выборе отправителем языковых средств и не осознается получателем информации. Примером непрямого воздействия может служить использование лексических единиц с закрепленной в определенной социальной группе положительной или отрицательной оценкой. То есть рассматриваемый вид воздействия посредством языка осуществляется не только эксплицитно, через оценочные высказывания, но и имплицитно – различными языковыми средствами, содержащими социально обусловленный оценочный компонент. Подобные обозначения выражают оценку имплицитно, незаметно для коммуникантов, вызывая у них соответствующее отношение и поведение[67],[68].

Таким образом, воздействующая прагматическая функция – это часть коммуникативной функции и обязательная составляющая речевого общения. Речевое воздействие, понимаемое как речевое влияние на личность и поведение человека, может осуществляться как осознанно путем намеренного выбора лексических единиц, синтаксических конструкций или социально закрепленных стереотипов, так и на неосознаваемом уровне путем актуализации скрытых грамматических значений и текстуальных категорий.

---

[67] Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. – М: Высшая школа, 1980. – С. 181.
[68] Щепанская Т.Б. Система: тексты и традиции субкультуры. – М: ОГИ, 2004. – С. 162.

§ 1.4 Понятие коммуникативных стратегий и тактик

Понятие стратегии является важнейшим при изучении речевого воздействия. Изучению коммуникативной стратегии посвящены работы многих исследователей (Т. И. Попова, С. А. Сухих, И. Н. Борисова, Н. Б. Руженцева, О. Н. Паршина и др).

О. С. Иссерс определяет стратегию как «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативных целей, который включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана»[69]. Н. А. Карпова и А. В. Морева считают, что коммуникативная стратегия неразрывно связана с мотивами, интенцией, определенной целью говорящего и выбором наиболее уместных способов ее достижения[70].

В. Б. Кашкин говорит о стратегии как об общей канве поведения индивидуума, которая может включать отступление от цели в отдельных шагах[71].

А. П. Сковородников, учитывая особенности коммуникативной стратегии и коммуникативной тактики, соотносит их как целое и часть. Он определил коммуникативную стратегию как общий план или «вектор» речевого поведения, выражающийся в выборе системы продуманных говорящим/пишущим поэтапных речевых действий; линия речевого поведения, принятая на основе осознания коммуникативной ситуации в целом и направленная на достижение конечной коммуникативной цели или целей в процессе речевого общения. При этом каждая коммуникативная стратегия характеризуется определенным набором коммуникативных тактик.

---

[69] Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – 5 изд. – М: Издательство ЛКИ, 2008. – С. 288.

[70] Карпова Н.А., Морева А.В. Коммуникативные тактики побуждения в речевом жанре (на материале административного объявления в русском и немецком языках) // Язык и культура. – 2010. – №1. – С. 24-32.

[71] Кашкин В. Б. Введение в теорию коммуникации: учеб. пособие. //
М: Флинта, 2013. – С. 224

В свою очередь, коммуникативная тактика представляет собой конкретный речевой ход в процессе осуществления речевой стратегии; речевое действие (речевой акт/совокупность нескольких речевых актов), соответствующее тому или иному этапу в реализации речевой стратегии и направленное на решение частной коммуникативной задачи этого этапа. Коммуникативные стратегии и тактики, реализованные совместно и последовательно призваны обеспечить достижение коммуникативной цели речевого общения[72].

Наряду с понятием коммуникативная стратегия часто используется термин стратегия речевая. Об отличии данных терминов писала А. Г. Салахова, говоря о том, что в составе речевой стратеги отсутствуют экстралингвистические компоненты, использование которых характерно для коммуникативной стратегии. В этом ключе понятие речевой стратегии следует понимать более узким по отношению к коммуникативной стратегии[73]. Однако в большинстве исследований данные термины используются как взаимозаменяемые (А. А. Артюхова, Т. А. Алексеева, Н. А. Карпова, А. В. Морева). В данном исследовании мы поддерживаем точку зрения А. Г. Салаховой и считаем термин «коммуникативная стратегия» наиболее подходящим для анализа, т. к. он является более полным в смысловом значении и охватывает как лингвистические, так и экстралингвистические средства достижения цели.

С. В. Броженко, опираясь на определения, данные современными исследователями (О. С. Иссерс, А. В. Олянич, И. Н. Борисова, А. А. Романов, Я. Т. Рытникова), понимает под речевой стратегией «планирование и реализацию основных задач речевого воздействия в нужном для говорящего направлении». По мнению исследователя, коммуникативная стратегия представляет собой совокупность речевой стратегии и

---

[72] Сковородников А. П. О необходимости разграничения понятий «риторический прием», «стилистическая фигура», «речевая тактика», «речевой жанр» в практике терминологической лексикографии // Риторика-лингвистика. Вып. 5. – Смоленск: СГПУ, 2004. – С. 6.

[73] Салахова А. Г. Дискурс: функциональнопрагматический и функциональный аспекты: коллектив. моногр/отв. ред. Е. Н. Азначеева. – Челябинск: ЧелГУ, 2008. – С. 71.

экстралингвистических компонентов. Под тактикой, вслед за О. С. Иссерс, исследователь понимает одно или несколько действий, которые

способствуют реализации стратегии[74]

В настоящей работе, мы вслед за О. С. Иссерс и С. В. Броженко понимаем под коммуникативной стратегией комплекс вербальных и невербальных действий, направленных на достижение коммуникативных целей, который включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана[75][76].

О. С. Иссерс определяет коммуникативную тактику как одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии. А в качестве инструмента реализации тактики выступают элементы более низкого порядка – коммуникативные ходы[77]. Под коммуникативной тактикой Н. А. Карпова и А. В. Морева понимают минимальное речевое действие, ведущее к достижению (макро) цели говорящего в рамках речевой стратегии в соответствии с избранным речевым жанром[78]. О. П. Малышева полагает, что тактика – это «конкретный речевой ход в процессе осуществления речевой стратегии». Помимо этого, она отмечает, что тактика соотносится с определенным этапом осуществления стратегии и как правило, направлена на реализацию отдельной коммуникативной задачи данного этапа[79]. Согласно О. Н. Тютюновой коммуникативные тактики – это практические способы достижения плана речевого и невербального поведения,

---

[74] Броженко С.В. Стратегии и тактики речевого воздействия в рекламном дискурсе (на материале рекламный текстов банковских услуг) // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – №3. – С. 11-15

[75] Броженко С.В. Стратегии и тактики речевого воздействия в рекламном дискурсе (на материале рекламный текстов банковских услуг) // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – №3. – С. 11-15.

[76] Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – 5 изд. – М: Издательство ЛКИ, 2008. – С. 288.

[77] Там же. – С. 288.

[78] Карпова Н.А., Морева А.В. Коммуникативные тактики побуждения в речевом жанре (на материале административного объявления в русском и немецком языках) // Язык и культура. – 2010. – №1. – С. 24-32.

[79] Малышева О.П. Коммуникативные стратегии и тактики в публичных выступлениях (на материале речей американских и британских политических лидеров) // Серия: Филология. – 2009. – С. 206-209.

выбираемые и комбинированные в соответствии с выбранной стратегией[80]. В настоящей работе, мы вслед за О. С. Иссерс под коммуникативной тактикой понимаем, как одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии[81].

Вслед за И.Н. Борисовой мы рассматриваем коммуникативную стратегию в качестве «результата организации речевого поведения говорящего в соответствии с прагматической целеустановкой, интенцией. В широком смысле коммуникативная стратегия понимается как общее намерение, задача в глобальном масштабе, сверхзадача речи, диктуемая практической целью продуцента»[82]. Следует отметить, что дискурс в стратегическом аспекте рассматривается как феномен в сфере социальной и культурной деятельности. Он детерминирован реализуемой им коммуникативной макростратегией: информирования, манипулирования, консолидации.. Коммуникативная стратегия предполагает отбор фактов, событий и явлений и подачу их в определенном освещении, заставляет говорящего соответственно организовывать речь, обусловливает подбор и использование языковых средств[83].

§ 1.5 Дискурс как ключевое понятие прагмалингвистики

За последнее десятилетие понятие «дискурс» стало одним из центральных в гуманитарной науке. Оно используется в философии, социологии, политологии, лингвистике, психолингвистике и литературоведении. Разумеется, семантический объём понятия различен в зависимости от области научного знания и её предмета.

---

[80] Тютюнова О. Н. Коммуникативные стратегии и тактики судебного дискурса: на материале немецких и русских телевизионных передач: дис. ... канд филол. наук наук: 10.02.20. – Волгоград, 2008. – С. 27.
[81] Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – 5 изд. – М: Издательство ЛКИ, 2008. – С. 288.
[82] Борисова И.Н. Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге // Русская разговорная речь как явление городской культуры. – Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 1996. – С. 22.
[83] Олешков М.Ю. Моделирование коммуникативного процесса: Монография. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2006. – С. 47

В современной прагмалингвистике понятие «дискурс» обретает терминологическое значение и статус. Термин дискурс является одним из наиболее употребляемых слов в современной лингвистике, не только допускающим варианты произношения (одни исследователи ставят ударение на первом слоге, другие – на втором), но и обладающим при этом многообразием определений, трактовок и употреблений.

К сожалению, четкого определения дискурса, признанного большинством лингвистов, не существует, и, возможно, именно это также способствовало популярности, которую приобрел этот термин в последнее время. Несмотря на то, что «в современной лингвистике понятие дискурса является одним из наиболее употребительных», оно «до сих пор не имеет четкого определения»[84].

Представляется возможным выделить более широкое, социально-философское, и более узкое лингвистическое употребление термина дискурс, разграничить которые иногда оказывается сложно, так как эти употребления находятся в постоянном взаимодействии.

Первый класс употреблений термина дискурс восходит корнями к структурализму и постструктурализму. В статье А. Кибрика и П. Паршина «Дискурс» можно найти следующее описание этого класса употреблений термина: «За этим употреблениями просматривается стремление к уточнению традиционных понятий стиля (в том самом максимально широком значении, которое имеют в виду, говоря «стиль – это человек») и индивидуального языка (ср. традиционные выражения – стиль Достоевского, язык Пушкина или язык большевизма с такими более современно звучащими выражениями, как современный русский политический дискурс или дискурс Рональда Рейгана). Понимаемый таким образом термин «дискурс» (а также производный и часто заменяющий его термин «дискурсивные практики», также использовавшийся Фуко) описывает способ говорения и обязательно

[84] Белошапкова Т.В. Когнитивно-дискурсивная парадигма лингвистического знания: принцип анализа дискурса (на материале категории аспектуальности) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2008. – №5. – С. 214-218.

имеет определение – какой или чей дискурс, ибо исследователей интересует не дискурс вообще, а его конкретные разновидности, задаваемые широким набором параметров…»[85].

Таким образом, в такого рода употреблениях дискурс здесь описывает то, как говорят, в центре внимания исследователя стоит конкретная разновидность дискурса, поэтому этот термин всегда сопровождается определением – какой или чей дискурс. В рамках таких исследований для описания дискурса выделяют определенные параметры: отличительные языковые единицы, особый стиль, тематика, способы выражения коммуникативного намерения и т.д. Таким образом, в рамках этого подхода дискурс видится как нечто социально обусловленное, характерное для определенного человека (конкретный дискурс – дискурс Шекспира), социальной группы (молодежный дискурс), принадлежащий к определенной сфере деятельности (бизнес дискурс, политический дискурс) и т.д.

Этот класс употребления тесно связан с лингвистическим пониманием термина и применим в рамках прагматического исследования языка, характерного для определенной социальной группы, как в нашем исследовании.

Собственно в лингвистике впервые термин дискурс был употреблен Зеллигом Харрисом в названии его статьи 1952 года «Discourse Analysis»[86]. Харрис утверждает, что язык существует не в форме отдельных слов или предложений, а в форме связного текста, состоящего из высказываний. То есть автор ввел новое понятие, стоящее над единицами языка в отдельности и текстом как их взаимосвязи. Таким образом, под «дискурсом» учёный понимает «последовательность предложений, произнесённую (или написанную) одним (или более) человеком в определённой ситуации»[87].

---

[85] Кибрик, А., Паршин, П. Дискурс. Энциклопедия Кругосвет [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/DISKURS (дата обращения: 11.02.2018)
[86] Harris Z. Discourse Analysis. Language. 1952. Vol. 28. №1. P. 1–30.
[87] Там же. – С.1-30

Введение термина «дискурс» З. Харрисом в понятийный аппарат лингвистической науки объясняется необходимостью изучения контекстного употребления языка и языковых единиц. Заметим, что во второй половине XX в. значение термина, предложенное З. Харрисом, существенно изменилось. Так, М. Л. Макаров, описывая историю возникновения дискурс-анализа как отрасли лингвистики в XX веке, называет 12 основных подходов к изучению дискурса и прагматики языка в целом[88]. Дискурс может рассматриваться как:

а) связная речь (З.З. Харрис);

б) два или несколько предложений, находящихся в смысловой связи[89];

в) актуализованный текст в отличие от текста как формальной грамматической структуры[90].

г) текст, сконструированный говорящим для слушателя (Brown, G., Yule, G. Discourse Analysis. Cambridge: University Press, 1983. 288 p)

д) результат процесса взаимодействия в социокультурном контексте[91].

е) текст, погруженный в ситуацию общения[92]

В своей книге «Approaches to Discourse»[93] Дебора Шиффрин выделяет три подхода к трактовке этого понятия с лингвистической точки зрения. Первый и наиболее простой подход определяет дискурс как язык, располагающийся над уровнем предложения или его части (предикативной группы)[94]. Второй подход рассматривает дискурс как всякое употребление языка, что дает основание обусловливать функции дискурса функциями языка. И, наконец, третий подход, трактующий дискурс как высказывания: «Это определение подразумевает, что дискурс является не примитивным

---

[88] Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М: ИТДГК «Гнозис», 2003. – С. 94-95.
[89] Звегинцев В.А. О цельнооформленности единиц текста Текст // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. – 1980. – №1. – С. 21.
[90] Van Dijk T. Ideology: a Multidisciplinary Approach. London: Sage, 1998. P. 148.
[91] Pike, K. L. The Mystery of Culture Contacts, Historical Reconstruction, and Text Analysis: an Emic Approach. The Importance of Purposive Behavior in Text Analysis. Edited by Kurt R. Jankowsky. Washington: Georgetown University Press, 1996. P. 65–86.
[92] Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5-20.
[93] Schiffrin, D. Approaches to Discourse. Oxford: Basil Blackwell, 1994. P. 20- 43.
[94] Там же. – С. 23.

набором изолированных единиц языковой структуры «больше предложения», а целостной совокупностью функционально организованных, контекстуализованных единиц употребления языка»[95].

С семидесятых годов прошлого столетия в лингвистике укоренилось представление о том, что исследуя дискурс, необходимо обращать внимание на более продолжительные отрезки речи и контекст социальной ситуации. Невозможно не согласиться со ставшим уже афористическим высказыванием Н.Д. Арутюновой, что «дискурс – это речь, погруженная в жизнь», это «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)»[96].

Обобщая взгляды на природу дискурса и его функции, О. Л. Михалева предлагает его понимать как «вербализацию определённой ментальности, или такой способ говорения и интерпретирования окружающей действительности, в результате которого не только специфическим образом отражается окружающий мир, но и конструируется особая реальность, создаётся свой (присущий определённому социуму) способ видения мира, способ упорядочения действительности»[97]. Так, дискурс рассматривается нами как важный и неотъемлемый агент коммуникации, который выступает носителем и ретранслятором ценностей, идей, образов, мнений и прочих ментальных образований. Дискурс рассматривается как пароль идентификации: вы таковы, каков ваш дискурс. По словам Ричарда Рорти, «язык вербует мир»[98], и, следовательно, самое надежное знание о мире

---

[95] Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М: ИТДГК «Гнозис», 2003. – С. 86.
[96] Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М: Сов. Энциклопедия, 1990. – С. 136-137.
[97] Михалева О.Л. Политический дискурс как сфера реализации мани-пулятивного воздействия. – Иркутск: Иркут. ун-т, 2005. – С. 251.
[98] Rorty R. Philosophy as a Kind of Writting. Consequences of Pragmatism. Brighton, 1982. P. 107-108.

зашифровано именно в языке. Изучение языка – ключ к изучению человека и мира.

Очевидно, что в современной лингвистике понятие дискурса было введено с целью уточнения разработанных на тот момент категорий речи, текста, диалога.

§ 1.6 Проблема соотношения понятий «текст» и «дискурс»

Во многих функционально ориентированных исследованиях видна тенденция к противопоставлению дискурса и текста по ряду оппозитивных критериев: функциональность – структурность, процесс – продукт, динамичность – статичность и актуальность – виртуальность. В лингвистической литературе можно также встретить дихотомию «письменный текст – устный дискурс», утверждающую, что текст существует только в письменной форме, а дискурс в устной. Данное противопоставление по форме представляется нам наиболее узким и формальным, исключающим письменный дискурс как таковой, что противоречит нашей гипотезе о существовании исламского феминистского дискурса, выраженного в письменной форме. В рамках такого подхода может встать проблема трактовки устной речи, зафиксированной на письме: должен ли исследователь рассматривать это как текст или как дискурс. Один из приверженцев данного подхода М. Хоуи сам констатирует, что разграничение письменного текста и устного дискурса может иногда не замечать сходств в организации устной и письменной речи[99]. Иногда дискурс трактуется как интерактивный способ речевого взаимодействия, при этом подчеркивается его диалогичность, тогда как тексту приписывают монологический характер. Однако следует подчеркнуть, что мы придерживаемся позиции многих ученых (М.М. Бахтин, Л.С. Выготский,

[99] Hoey, M. The Place of Clause Relational Analysis in Linguistic Description. English Language Research Journal. – 1983/4. – Vol. 4. – P. 32.

Л.П. Якубинский, G. Myerson и т.д.), говорящих о диалогичности речи и о том, что даже монолог, зафиксированный на письме, может быть рассмотрен как диалог автора и читателя.

Также существует представление о тексте и речи как аспектах дискурса , сформулированное и обоснованной Богдановым в своих работах[100][101]. В рамках данной концепции дискурс видится наиболее широко как все, «что говорится или пишется, при этом текст – это языковой материал, фиксированный на том или ином материальном носителе с помощью начертательного письма. Таким образом, термины речь и текст будут видовыми по отношению к объединяющему их родовому термину дискурс »[102]. К достижению данного подхода можно отнести устранение разграничения монолог – диалог и устный – письменный.

Согласно Е.С. Кубряковой и О.В. Александровой дискурс представляет собой когнитивный процесс, связанный с речепроизводством, созданием речевого произведения, а текст в свою очередь видится как конечный результат процесса речевой деятельности, имеющий определенную законченную (и зафиксированную) форму[103].

Очевидно, что анализ дискурса сопряжен с исследованием регуляции потока информации или взаимодействий в рамках коммуникативной ситуации, осуществляемых через поочередный обмен репликами. Таким образом, описывается структура взаимодействия и подчеркивается динамичность дискурса. Это делается для разграничения понятия дискурса и традиционного представления о тексте как некой статической структуре.

Таким образом, в привычную классическую дихотомию языка и речи Фердинанда де Соссюра привносится некоторая третья составляющая,

---

[100] Богданов В.В. Речевое общение: прагматические и семантические аспекты. – Л: Изд-во Ленин. гос. унта, 1990. – С. 88.

[101] Богданов В.В. Текст и текстовое общение. – СПб: Санкт-Петербургский государственный университет, 1993. – С. 67.

[102] Богданов В.В. Текст и текстовое общение. – СПб: Санкт-Петербургский государственный университет, 1993. – С. 5-6.

[103] Кубрякова Е.С., Александрова О.В. О контурах новой парадигмы знания в лингвистике // Структура и семантика художественного текста. Доклады VII международной конференции. – М: 1999. – С. 186-197.

стоящая и над речью, и над языком. По мнению Л.О. Чернейко, «термином «дискурс» в антропоцентрической парадигме языка обозначается вербализованный идеологический посредник между индивидуальной речью (идиолектом) и языком-кодом. «Дискурс» – это вербализованное мировоззрение, говорящее бессознательное, это речь, направляемая субъективными представлениями о мире, в которых обнаруживаются инварианты картины мира (обыденная, научная, философская, религиозная, поэтическая)»[104].

По мнению Л.О. Чернейко главным фактором, определяющим параметры дискурса, является «адресат, а точнее, представление говорящего об адресате, или образ адресата…: это конкретный собеседник, а также реальная и потенциальная аудитория, представление о которой говорящий имеет и реакцию которой может спрогнозировать»[105]. То есть в рамках исследования дискурса большую роль играют процессы речепроизводства и понимания/интерпретации высказывания.

Таким образом, дискурс мыслится нами как текст в совокупности с ситуацией его порождения, а собственно текст рассматривается в отрыве от ситуации, как нечто, имеющее законченную форму. В нашем представлении дискурс представляет собой категорию с отчетливо выраженным социальным содержанием.

В данной работе, как отмечалось выше, мы не придерживаемся дихотомии устный дискурс – письменный текст. Для нас существует дискурс в двух формах: письменной и устной.

Дискурс, его многочисленные характеристики, динамика, построение и мотивы говорящих, – все это представляет большой потенциал для исследований в рамках современной лингвистической науки и анализа дискурса как её частной отрасли.

---

[104] Чернейко Л.О. Термин дискурс: поиски означаемого // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2006. – №2. – С. 41.
[105] Там же. – С. 39-40.

Таким образом, междисциплинарное направление, которое изучает дискурс, и соответствующий раздел лингвистики именуют дискурс/ дискурс(ив)ным анализом (discourse analysis или discourse studies).

Анализ дискурса сегодня в наиболее широком смысле – это «интегральная сфера изучения языкового общения с точки зрения его формы, функций и ситуативной и социально-культурной обусловленности»[106].

Основными целями анализа дискурса являются исследования процессов речепроизводства и интерпретации высказываний. Анализ дискурса предполагает изучение следующих параметров: «участников общения (людей в их ситуативно-коммуникативных и/или статусно-ролевых отношениях); условия и обстоятельства общения (время, место, коммуникативная среда); цели общения; способы общения; тематику и жанры коммуникации»[107].

А.А. Кибрик выделяет три круга проблем, исследуемых в рамках анализа дискурса в статье «Обосновано ли понятие “Дискурс СМИ”»: «Во-первых, это проблематика структуры дискурса. Широко распространено мнение о том, что элементарная дискурсивная единица в норме стремится к клаузе. Существует представление о локальной и глобальной структуре <…> Известно также противопоставление линейной и иерархической структуры.

Второй круг проблем – это влияние дискурсивных факторов на более «мелкие» языковые уровни. Это влияние наблюдается на разных уровнях – от фонетики до синтаксиса. К числу хорошо известных языковых явлений, определяемых дискурсивными факторами, являются, например, тональные акценты, референциальный выбор, финитность, порядок слов, использование дискурсивных маркеров и т.д. <…>

Наконец, третий основной круг проблем дискурсивного анализа – это таксономия дискурса. Дискурсы классифицируются по нескольким независимым друг от друга основаниям. Во-первых, это различие по модусу:

---

[106] Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М: ИТДГК «Гнозис», 2003. – С. 99.
[107] Сытникова Т.А. Сущность и специфика компьютерного дискурса как объекта лингвистического исследования // Вестник ИГЛУ. – 2008. – №3. – С. 144.

устный/письменный <…> Во-вторых, это различие по жанру <....> Жанры идентифицируются разными способами, но один из наиболее известных – по наличию определенной жанровой схемы, то есть последовательности смысловых компонентов, обязательных для дискурса данного жанра. В-третьих, дискурсы различаются по функциональному стилю. Они обычно определяются в соответствии со сферами человеческой жизни: бытовой, научный, официальный, публицистический, художественный. Каждый стиль обладает комплексом особенностей – фонетических, лексических, грамматических»[108].

К ключевым понятиям этого течения также следует отнести следующие:

пропозиция – «это семантический инвариант, общий для всех членов модальной и коммуникативной парадигм предложений и производных от предложения конструкций (номинализаций). <…> Коррелятом пропозиции является понятие пропозиционального отношения, или установки. В высказываниях «Я утверждаю (сомневаюсь, полагаю, знаю, думаю, отрицаю), что в городе начались беспорядки», «Я боюсь, как бы в городе не начались беспорядки», «Я спрашиваю, не начались ли в городе беспорядки» и т.п. установка говорящего выражена пропозициональными предикатами «утверждать», «сомневаться», «полагать» и т. д. С этим переменным компонентом высказываний соотносится стабильное семантическое ядро «в-городе-начинаться-беспорядки», обозначающее действительное или возможное положение дел. К этому семантическому ядру и применяется термин «пропозиция», которая, таким образом, соответствует номинативному, или собственно семантическому, аспекту предложения. В состав пропозиции входят термы, способные к референции, и предикат, способный приобретать модальные и временные характеристики»[109];

---

[108] Кибрик А.А. Обосновано ли понятие «Дискурс СМИ»? // А.Г. Пастухов. Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. – Орел: OGIIK, 2008. – С. 6-7.

[109] Арутюнова Н.Д. Пропозиция // Лингвистический энциклопедический словарь. – М: Советская энциклопедия, 1990. – С. 401-402.

референция – «отнесенность актуализованных (включенных в речь) имен, именных выражений (именных групп) или их эквивалентов к объектам действительности (референтам, денотатам)»[110];

пресуппозиция – «термин лингвистической семантики, обозначающий компонент смысла предложения, который должен быть истинным для того, чтобы предложение не воспринималось как семантически аномальное или неуместное в данном контексте»[111]. Прагматические пресуппозиции касаются участников речевого акта и проявляются обычно при осуществлении речевого акта. Под прагматическими пресуппозициями Н.Д. Арутюнова понимает те предпосылки и предварительные условия (условия удачи), которые, не входя в языковое значение высказывания, создают почву для его употребления и позволяют ему достигнуть коммуникативной цели[112]. К таким условиям относятся статус говорящего и слушающего, отношения между ними, возраст и принадлежность к определенному поколению участников коммуникации, отсутствие или наличие определенного окружения и т.п. Критерием оценки прагматических пресуппозиций является успешность/неуспешность речевого акта.

К пресуппозитивным свойствам коммуникантов в речевом общении относится «мир знаний», т.е. так называемые энциклопедические знания. Пресупозитивные свойства включают также мнения, установки, представления, отношения и т.п., сложившиеся у коммуникантов под влиянием воспитания, образования, национально-культурных традиций, языковой картины мира.

инференция – «это широкий класс когнитивных операций, в ходе которых и слушающим, и нам, интерпретаторам дискурса, лишенным

---

[110] Арутюнова Н.Д. Референция // Лингвистический энциклопедический словарь. – М: Советская энциклопедия, 1990. – С. 411-412.

[111] Падучева Е.В. Пресуппозиция // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. Ярцева В.Н.. – М: Советская энциклопедия, 1990. – С. 396.

[112] Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1973. – №1. – С. 88.

непосредственного доступа к процессам порождения речи в голове или «душе» говорящего, приходится «додумывать за него»[113].

импликатура – скрытые, неявные, небуквальные значения и смыслы, которые не определяются непосредственно структурой языковых выражений.

[113] Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М: ИТДГК «Гнозис», 2003. – С. 123.

ГЛАВА II. ИСЛАМСКИЙ ФЕМИНИСТСКИЙ ДИСКУРС В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

§ 2.1. Феминизм: происхождение понятия и его трактования в современной науке

Определить, что такое феминизм, учитывая многообразие и непрерывное развитие этого явления, достаточно сложно. Как идеология равноправия, феминизм имеет долгую историю. В настоящее время существует несколько точек зрения о том, когда появился феминизм.

Большинство современных историков традиционно связывают развитие феминистской идеологии с организованным в XIX веке в западном мире социально-политическим движением за равные юридические и политические права женщин с мужчинами[114]. Именно тогда, по мнению большинства исследователей, появился сам термин «феминизм», образованный от латинского «femina» – женщина.

В современной науке высказываются разные предположения о том, кто первым ввел термин «феминизм» в научный оборот. Одни исследователи (О. Воронина, М. Соколова, В. Успенская) полагают, что слово «феминизм» было сконструировано французским социалистом-утопистом Шарлем Фурье ещё в конце XVIII в. философ именовал феминистами сторонников женского равноправия и полагал, что «расширение прав женщин – это главный источник социального прогресса»[115].

Другая группа исследователей теории и истории женского движения, среди которых С.Г. Айвазоваи Н. Уолтер, приписывают авторство писателю А. Дюма (1824-1895).По мнению исследовательницы Т.А. Клименковой, слово «феминизм» впервые употребила англичанка Элис Росси. С точки

---

[114] Малышева М.М. Гендерный калейдоскоп. Курс лекций . – М.: 2002. – С. 77.

[115] Фурье Ш. Теория четырех движений и всеобщих судеб. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1938. – С. 174.

зрения историка Карен Оффен, термин «феминизм» появился в 1882 году во Франции, когда феминисткой назвала себя участница движения женщин за избирательное право Губертина Оклер, подписывавшая так свои статьи в издаваемой ею газете «Ля Ситуаенн». После первого феминистского конгресса в Париже в 1892 году термин "феминизм" приобрел широкую популярность и к 1894 году появился на страницах периодических изданий в таких странах, как Великобритания, Испания, Италия, Германия, США[116].

Следует отметить, что с 1890-х гг. слово «феминизм» использовалось в западном мире как синоним понятия «женская эмансипация». Феминистами или феминистками называли тех, кто поддерживал идею женской эмансипации. Под эмансипацией женщин понимается стремление к уравнению прав обоих полов, исходящее из мысли, что первоначально все человеческие индивидуумы были равны между собой и что неравенство полов обязано своим происхождением насильственному подчинению женщин мужчинами. Термин «эмансипированная женщина» появился в эпоху июльской революции 1830 года.

В становлении феминизма, как общественного движения за права женщин в конце XIX – начале XX века, большую роль сыграл суфражизм (от английского suffrage – право голоса) – борьба женщин за гражданское право участия в голосовании. Суфражистками именовались участницы женского движения в Англии во второй половине XIX века (М.Г. Фаусетт, Э. Панкхерст, К. Панкхерст и другие). Возникнув в Англии, суфражизм позднее получил распространение в США, Германии, Франции и других странах. В научной литературе этот период получил название «феминизма равенства» или «феминизма первой волны» и стал борьбой женщин за обладание теми же правами, которыми уже владели мужчины.

В 60-80-е гг. XX века (второй этап), феминизм принял более радикальную форму, направленную на революционное преобразование

[116] Успенская В. И. Феминизм. Происхождение понятия и современный смысл [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://community.livejournal.com/feministki/176203.html (дата обращения: 13.04.2018)

общества в целом. Феминистки второй волны поставили проблему необходимости глубинных преобразований культуры, акцентировав вопрос о свободной, автономной женской личности. На данном этапе женщины выступили с протестом против патриархатного общества (общества с доминированием мужчин). В этот период возникает неофеминизм – идеология, в основе которой лежит требование преодоления «традиционных представлений о том, что главное назначение женщин – продолжение рода»[117]. Таким образом, была разработана теоретическая основа феминизма, которая позволила ему стать впоследствии крупным социальным явлением современного мира.

Базисным понятием феминистской теории стало понятие «гендер», которое до сих пор остается предметом дискуссий в философии феминизма. В оксфордском справочнике по философии «гендер» понимается как «термин, введенный с целью выделения социального аспекта различия полов. Когда говорят о различии между существами женского и мужского пола как о различии «пола», то имеется ввиду их биологическое различие. Когда говорят о «гендере», то исходят из определенных социокультурных дефиниций понятия женщины и мужчины и предполагают изначально установленное различие их социального положения»[118]. При всей дискуссионности определений, большинство исследователей разделяют позицию, что «половое поведение, психологические различия и т.п. есть результат не столько физиологических особенностей мужчин и женщин, не природное их предназначение, а распространенные в каждом типе культуры и общества образы, типы, конструкты «мужского» и «женского», которые и задают

[117] Айвазова С.Г., Хасбулатова О.А. Гендерные аспекты политической социологии // Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. –М.: РОССПЭН, 2004. – С. 33.
[118] Чикалова И.Р. Женщины в истории: возможность быть увиденными // Сб. науч. ст. – Минск: БГПУ, 2001. – С. 144.

определенную траекторию воспитания, образования и всей системы ценностей человека того или иного пола»[119].

В современной науке универсального определения для такого многоликого и внутренне противоречивого явления как феминизм не существует. В «Энциклопедии феминизма» Л. Таттл говорится о существовании более чем 300 определений понятия «феминизм». Автор отмечает, что «в настоящее время имеется лишь множество индивидуальных определений феминизма, а его фундаментальное определение находится еще в стадии обсуждения»[120].

В современном Оксфордском словаре по социологии феминизм определяется как теория равноправия полов в обществе, а также как социальное движение с целью достижения равенства между полами, прежде всего за счет расширения прав и возможностей женщин во всех сферах жизни[121].

В Большом энциклопедическом словаре феминизм понимается в широком смысле как стремление к равноправию женщин с мужчинами во всех сферах жизни общества, а в узком смысле как женское движение, целью которого является устранение дискриминации женщин и уравнение их прав с мужчинами[122].

К середине XX в. появляется ряд теорий, которые подчеркивают политическую сущность феминизма[123][124] (Генриетта Мур, Луиза Пуш, Карен Оффен)

Феминизм как теория равенства полов, лежащая в основе движения женщин за освобождение, часто используется в качестве

---

[119] Брандт Г.А. Философская антропология феминизма. Природа женщины. – СПб, 2006. – С. 9.

[120] Tuttle L. Encyclopedia of Feminism. – New York (Arrow Books), 1986. – P. 107

[121] Marshall G. The Concise Oxford Dictionary of Sociology. – Oxford Univ. Press, 1994. – P. 178.

[122] Ярцева В. Н. Языкознание // Большой энциклопедический словарь 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 315.

[123] Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. – СПб.: Алетейя, 2007. – С. 188.

[124] Хасанова Г. Политическая концепция гендерного равенства: мировой и отечественный опыт [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.policy.hu/khassanova/paragraph1_1.html (дата обращения: 07.05.2018)

синонима понятия «женское движение». Однако мы вслед за политологом А. Темкиной считаем, что когда речь идет о женском движении, далеко не всегда имеется в виду феминизм. Термин «феминизм» чаще используется для обозначения идеологии или теории, а термин «женское движение» – для обозначения организованной деятельности, реализующей феминистские (и не только) идеи[125].

Современные отечественные исследователи феминизма трактуют его по-разному. С.Г. Айвазова, автор многочисленных исследований по теории и истории женского движения, определяет феминизм как «философию или идеологию даже не столько собственно женского равноправия, сколько освобождение личности от репрессивной власти рода, отделения, автономизации индивида от родового начала»[126].

Историк В.И. Успенская понимает под феминизмом «разные формы сопротивления вековым традициям унижения женщин как социальной группы, в том числе, и, прежде всего, теоретические аргументы в защиту равноправия полов»[127]. Такое широкое определение феминизма, по мнению исследовательницы, позволяет связать его историю с произведениями того времени, когда не было понятия «феминизм», но получили распространение идеи о способах изменения судьбы женщин.

Таким образом, в XX веке феминизм из практики социально-политического движения за равноправие женщин перерос в явление общекультурного масштаба с развернутой философской концепцией, базирующейся на гендерном методологическом основании. Инициируемый первоначально в рамках западной культуры как одно из направлений борьбы за универсальную свободу личности (свободу женщины от

---

[125] Темкина А.А. Феминизм: Запад и Россия // Преображение (Русский феминистический журнал), 1995. – № 3. – С. 5-17

[126] Айвазова С.Г., Хасбулатова О.А. Гендерные аспекты политической социологии // Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 25.

[127] Успенская В.И. Феминизм до феминизма: идея равноправия полов в истории европейской социальной мысли, XV(XVIII) вв. // Гендерный калейдоскоп. – Тверь, 2000. – С. 6.

«мужского шовинизма»), феминизм уже сейчас имеет тенденцию становиться глобальным явлением.

§ 2.2 К понятию и истории исламского феминизма

Исламский феминизм – одна из форм феминизма, рассматривающая роль женщины в исламе. Исламский феминизм – стремление к гендерному равенству и социальной справедливости, базой для понимания и воплощения которых выступает Коран[128]. Рана Каббани метко назвала стремление к гендерной справедливости «гендерным джихадом».

Исламский феминизм стремится не просто к получению женщинами прав, а также к теологическому обоснованию борьбы за женские права в мусульманском мире[129]. Это дискурс образованных городских женщин, которые перечитывают Коран и раннюю историю ислама с целью «восстановить» религию и избавить её от патриархатных интерпретаций и насильственных практик[130]. «Дискурс исламского феминизма произвёл такой язык, который может достучаться до молодых женщин. Благодаря этому дискурсу многие молодые женщины могут противостоять укоренившимся семейным и социальным нормам, доказывая, что эти нормы и традиции не имеют ничего общего с исламом. Их настойчивость может позволить им заново обрести их права. <...>Некоторые социальные практики были навязаны женщинам от имени ислама, например, практика изоляции, предполагающая осуждение обществом работы женины вне дома »[131].

---

[128] Шевченко З.В. Словарь гендерных терминов [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://a-z-gender.net/feminizm-islamskij.html (дата обращения: 11.05.2018)

[129] Zamila Abdul Rani, What is islamic feminism? Promoting cultural change and gender equality, Proceeding of the 2nd International Conference on Management and Muamalah. – 2015 – P. 134.

[130] Afshari, Reza. “Egalitarian Islam and Misogynist Islamic Tradition: A Critique of the Feminist Reinterpretation of Islamic History and Heritage.” Critique. – 1994 – Vol. 4 – P. 13-33

[131] Zamila Abdul Rani, What is islamic feminism? Promoting cultural change and gender equality, Proceeding of the 2nd International Conference on Management and Muamalah. – 2015 – P. 148.

Марго Бадран, автор книги «Феминизм в исламе», выпускница Оксфордского университета и Аль-Азхара, определяет исламский феминизм как феминистский дискурс и практику в рамках исламской парадигмы.

Понятие «феминизм» имело разные значение в зависимости от места, времени и условий существования[132].

Тахира Куррат-уль-Айн, иранская поэтесса первой половины XIX века, была первой женщиной, которая осмелилась критиковать законы шариата. Она была одной из активисток бабизма, религии (секты, религиозно-политического движения), созданной Мирза Али Мухаммадом аш-Ширази (по прозвищу Баб) в 1844 году в Иране, который в 1847 объявил себя махди. Согласно исламским эсхатологическим воззрениям махди – это последний преемник пророка Мухаммеда (с. а. в), мессия (масих), который должен появиться перед концом света. Позднее Махди стал мыслиться как человек, который придет, чтобы укрепить и обновить веру мусульман[133].

Последователи этого движения, по мнению большинства исламских богословов, вышли из религии, и не являются мусульманами. Бабизм объявлял замену шариатских законов новыми, предполагающими равенство всех людей и установление священного царства бабидов в дальнейшем. Поэтесса Тахира, выросшая в семье шиитских богословов, вдохновилась идеями Баба. Она отказалась носить хиджаб и жестоко осудила многоженство. Одно знаменитое высказывание принадлежит именно ей: «Вы можете убить меня, когда захотите, но вы не можете остановить эмансипацию».

Другой известной женщиной, высказавшей критику в сторону интерпретации норм шариата относительно положения женщин, является египетская писательница Аиша Абд аль-Рахман. Первая её книга вышла в свет в 1959 г. тогда же, когда египетский писатель Нагиб Махфуз

---

[132] Moghadam, V.M. Islamic Feminism and its discontents: Towards a Resolution of the Debate. Journal of Women in Culture and Society, 27(4), 1135 – 1171, 2002. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://org.uib.no/smi/seminars/Pensum/Moghadam,%20Valentine.pdf (дата обращения: 22.04.2018)

[133] Али-заде А. А. Махди // Исламский энциклопедический словарь. – М.: Ансар, 2007. – С. 495.

опубликовал версию жизни пророка Мухаммеда, аллегорическую и во многом феминистическую. Аиша Абд аль-Рахман написала большое количество биографий знаменитых мусульманок, например, биографии матери, жены и дочерей пророка Мухаммеда (с. а. в.). Писательница не считала себя феминисткой, однако её работы несут в себе идеи гендерного равенства и борьбы за права женщин в исламском мире.

В мусульманский мир понятие первым пришло в Египет в 1880-е гг., а термин «исламский феминизм» впервые использовался в 1909, когда Малек Хифни Насиф опубликовала сборник своих статей и речей в книге под названием «ан-Нисаийат»[134]. В 1923 году термин использовали египетские женщины, чтобы назвать себя и обозначить свою политическую организацию «аль-Иттихад ан-Ниса аль-Мисри» – Египетский феминистский союз. Женщины мусульманского мира нерешительно приняли термин «феминизм» в 1970-е, но «основной акцент был на том, чтобы разрушить миф о женщине в исламе»[135]

Термин «исламский феминизм» начал использоваться глобально в 1990-х годах в разных районах мира. Феномен подъёма и использования данного термина во многом связан с именами иранских женщин-учёных (например, Зиба Мир-Хоссейни и Афсанех Наймабадех), которые излагали свои мысли на страницах женского журнала «Занан», основанного Шахла Шеркат в 1992[136]. Маи Ямани, саудовская женщина-ученый, также использовала термин в своей книге «Феминизм и ислам»[137]. Турецкие ученые Фериде Акар и Есим Арат в своих статьях 1990-х гг., так же как и Нилуфер Голе – в книге «Запретный модерн» (1991 – в Турции, 1996 – на английском)[138], использовали термин «исламский феминизм», чтобы описать новую

---

[134] Badran, Margot. Feminists, Islam, and nation: gender and the making of modern Egypt. – Princeton, New Jersey : Princeton University Press, 1995. – P. 54.
[135] Muhammad S., Dr. Arab Naz, Waseem K., Umar D., Qaiser K., Muhammad H., Feminist Discourse Analysis in Islamic Feminism. Global Journal of human social sciences, Political Science. – 2003. – Vol. 13. – P. 29-36
[136] Afshar, Haleh, «Islam and Feminism: An Analysis of Political Strategies» in Feminism and Islam: Legal and Literary Perspective, edited by Mai Yamani. – London,1996. – P. 197-216.
[137] Mai Yamani, Feminism and Islam: Legal and Literary Perspective. – London, 1996. – P. 141.
[138] Nilufer Gole, The Forbidden Modern: Civilization and Veiling – University of Michigan Press, 1996. – P. 87.

феминистскую парадигму, обнаруженную в стране. Южноафриканская активистка Шамима Шайх использовала рассматриваемый термин в речах выступлений и в статьях в начале 1990-х гг. Уже к середине 1990-х гг. термин «исламскиций феминизм» был распространён и широко использовался мусульманами в самых отдаленных точках уммы (умма – совокупность всех мусульман как религиозной общины).

В 2007 году появилось масштабное движение борьбы за гендерное равенство и справедливость в рамках ислама под названием «Мусават» (араб. «равенство»). Движение возглавили 12 женщин из Турции, Египта, Пакистана и других мусульманских государств. Первое официальное собрание «Мусават» состоялось в 2009 году в столице Малайзии, Куала-Лумпур, где и находится их штаб-квартира по сей день, в нём приняли участие более 250 человек, включая ученых и юристов. Движение стремится повысить самосознание женщин и помочь им в борьбе за их права, поддерживать женщин-активисток мусульманских государств в их борьбе за эмансипацию. Члены «Мусават» также стремятся познакомить мусульманок мира с альтернативными трактовками Корана, учитывающими гендерные аспекты, и с базовыми правами человека.

§ 2.3 Место исламского феминизма в типологии направлений феминизма

Феминизм возник из признания несправедливости общественной оценки женщин.

Первая волна феминизма (XIX - первая половина XX вв.), как отмечалось выше, заключается в борьбе за достижение юридического равноправия полов. Во время второй волны феминистки боролись за фактическое равенство женщин с мужчинами. В середине и конце 70-х гг. были созданы многочисленные организации и группы неформального характера без лидера и теоретической стратегии. Во многих странах ведут работу женские неправительственные и правительственные организации,

создаются женские транснациональные сети, происходит дифференциация и специализация женского движения (за права надомных работниц, права цветочниц, права уличных торговок, против биопиратства, за сохранение биологического многообразия и др.).

Феминистская теория второй волны развивалась в русле критики андроцентристского знания, а её целью стала артикуляция ранее исключаемого женского опыта, не представленного в патриархатной картине мира. Написание истории с женской точки зрения (her-story) нашло выражение в ряде проектов: в истории, философии, психологии и психоанализе, социологии, истории и теории культуры и др., в которых начинается реабилитация всего того, что репрессировалось теорией с позиции мужского сознания (телесность, чувства, эмоции, сексуальность и репродукция и т. д.). Ведущую роль здесь играет категория опыта, через которую происходит манифестация аутентичности специфически женского опыта и способов его выражения.

По замечанию О.Г.Липовской, вторая волна феминизма сформировала широкий теоретический дискурс: в гуманитарных науках возникли «исследования, базирующиеся на критике культуры патриархата»[139]. В течение 80-х гг. влияние феминизма падает, исследователи связывают это с самокритикой, появившейся внутри самого феминизма. Были поставлены под сомнение декларация женской общности, выражаемая обращением «сестры», категория женщины как единства познаваемого и познающего. Нацеленный на отстаивание факта различий среди женщин и мужчин в современном мире, феминизм третьей волны начал развиваться в русле критики универсализма феминистской теории второй волны. Первоначально теоретики рассматривали в основном опыт белой женщины из среднего класса, впоследствии была признана необходимость учета требований других групп с их специфическими интересами, что не могло не сказаться на

[139] Липовская О.Г. Вторая волна феминизма. Тезаурус терминологии гендерных исследований [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://gender.academic.ru (дата обращения: 01.03.2018)

движении. На этом этапе вызов доминирующей феминистской позиции исходил преимущественно от цветных женщин, в том числе чернокожих американок. Они определили весь предшествующий феминистский дискурс как «обсуждение белыми женщинами, принадлежащими к среднему классу, своих проблем, не имеющих отношения к опыту женщин из других этнических, социальных, религиозных групп»[140]. Теоретики утверждали, что частный опыт имеет локальный характер и его генерализация недопустима.

Третья волна (иногда называемая постфеминизмом, с 80-х гг.) включает такие направления, как конструктивистский и постмодернистский феминизм, «цветной» феминизм, культурный феминизм и другие, при этом наблюдается усложнение и дробление современного феминистского дискурса. Именно сюда входит исламский феминистский дискурс.

Общепринятой считается следующая типология феминизма: либеральный феминизм (направлен на достижение женщинами равных прав и обязанностей, как в обществе, так и в семье), социалистический феминизм (ориентирован на изменение существующей системы с уничтожением всех различий), интеллектуальный феминизм (новая социальнофилософская теория и широкая гуманистическая практика, выходящая в сферы творчества и политики), радикальный феминизм (выступает за критический пересмотр системы социальных отношений, предлагает общественное устройство с обособленной ролью женщин)[141].

Общим для всех этих разновидностей является гендерный подход к пониманию природы человека, где в фокусе внимания оказывается социальный пол человека, а основным предметом интереса – «природа женщины»[142].

---

[140] Здравомыслова Е., Тёмкина А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // Социологические исследования, – 2000. – №11. – С. 17.

[141] Порошенко О.Ю., Харисова Т.А. Ускользающая женственность или eat your make-up. Критика радикального феминизма [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://globkazan.narod.ru/2004/a15.htm (дата обращения: 21.04.2018)

[142] Брандт Г.А. Современный феминизм: переворот в историко философской традиции Западной Европы // Адам и Ева. Альманах гендерной истории, – М.: ИВИ РАН, 2003. – № 6. – С. 23.

В наиболее обобщенном виде современные исследователи понимают феминистский дискурс как «комплекс созданных феминистами текстов с учетом их авторства, адресности, восприятия аудиторией, канала распространения и иных дискурсивных факторов»[143].

По В.И.Карасику, феминистский дискурс, в частности, исламский, можно отнести к числу статусно-ориентированных институциональных дискурсов[144]. К признакам институциональности можно отнести: типовые участники, хронотоп, цели, ценности, стратегии, жанры, прецедентные тексты и дискурсивные формулы. Данный дискурс характеризуется специальными дискурсивными формулами, а именно номинациями, клише, особыми конструкциями.

Подводя итоги, укажем, что именно благодаря смене научной парадигмы в гуманитарных науках под влиянием феминистских идей в последней декаде XX века происходит становление и интенсивное развитие гендерных исследований. Новое понимание процессов категоризации, отказ от признания объективной истины, интерес к субъективному, к частной жизни человека, развитие новых теорий личности привели к пересмотру научных принципов изучения этничности, возраста и пола, интерпретировавшихся ранее как биологически детерминированные.

§ 2.4 Особенности исламского феминизма

Бардан не согласна с тем, что феминизм – понятие, используемое только в контексте Запада: «Да, термин возник на Западе, во Франции. Нет, феминизм – не западный. Американский феминизм – это не французский (как бы американские и французские женщины не утверждали), а египетский

[143] Шабанова Т.А. Метафорическое моделирование лингвокультурологической категории свои – чужие в феминистском дискурсе России и США: автореф. … канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2013. – С. 7.
[144] Карасик В.И. Языковый круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – С. 199.

феминизм – не французский и не западный. Он египетский, это доказали его основоположники и подтвердила история»[145].

Автор указывает на изобилие феминизмов, возникающих в разных районах мира. Учёная из Шри-Ланки Кумари Джаявардена в 1986 написала новаторскую книгу «Феминизм и национализм в странах третьего мира», в которой она отметила феминистиские движения, появившиеся в Азиатских и Ближневосточных странах в 1960-х – 1980-х гг.

Исламский феминизм – глобальный феномен. Это не продукт Запада или Востока. Он распространяется с удивительной скоростью в киберпространстве, утверждает Бадран.

Несмотря на большое количество литературы на разных языках, подтверждающих существование разбросанных по миру феминизмов, «то, что феминизм – западное эссенциалистское явление, до сих обсуждается либо невеждами, либо в политических целях (чтобы придать враждебный окрас термину)», по мнению Бадран. «Феминизм – это растение, которое растёт только на собственной почве».

Исламский феминистский дискурс может быть сформирован как религиозными, так называемыми соблюдающими (практикующими) мусульманами, так и светскими мусульманами (чья принадлежность к исламу публично менее заметна). Стоит отметить, что термины «религиозный» и «светский» понятия относительные.

Кто-то изначально себя идентифицирует как исламские феминистки, например, участницы иранского журнала «Занан», южноафриканские активистки (например, Саадия Шайх) и «Сёстры в исламе» (SIS) в Малайзии. Другие, включая ключевых создателей исламского феминистского дискурса или трактовок Корана, учитывающих гендерные аспекты, были вынуждены назвать себя исламскими феминистками. Многие изменили свою позицию только в последние годы. Например, ранее Амина Вадуд, афроамериканская теолог ислама, автор новаторской книги «Коран и женщина», непреклонно

[145] Badran Margot, Islamic Feminism: What's in a Name? Al-Ahram Weekly Online, 2002. – №.569. – P. 17-23.

возражала против того, чтобы на неё вешали клеймо исламской феминистки. Сейчас ей неважно, как её называют, главное – чтобы люди понимали суть её работы. Однако Вадуд не приемлет, чтобы её называли «западной феминисткой». Пакистано-американская теолог Риффат Хассан так же, как и Вадуд, пришла к тому, чтобы принять название «исламский феминизм», заботясь больше о том, чтобы содержание её трудов были поняты. Есть и женщины-мусульманки, которые не относят себя к исламских феминисткам, но исследуют этот феномен.

Английский язык является основным языком глобального исламского феминистского дискурса, но есть и локальный исламский феминистский дискурс, выражаемый огромным количеством разных языков. Чтобы интерпретировать Коран и читать другие исламские религиозные тексты, необходимо знание арабского языка. Так, несмотря на то, что английский язык – общеупотребимый язык исламского феминистского дискурса, терминология используется чаще арабская. По мнению Марго Бадран, с распространением исламских феминистских интерпретаций, в английском появилось много арабских заимствований, как «иджтихад», который быстро стал привычным термином[146].

Исламский феминизм превосходит и разрушает старые полярные конструкции бинарного целого: «Запад» – «Восток», «религиозный» – «секулярный» (светский), по словам Марго Бадран. Исламский феминистский дискурс, по её убеждению, закрывает пробелы и демонстрирует общие цели и задачи, главные из которых гендерное равенство и социальная справедливость.

Вадуд выделяет два основных лагеря приверженцев исламского феминизма[147]. Первый из них она называет позицией «Только Ислам», которая считает, что гендерная справедливость может быть достигнута только через исламский дискурс и только в мусульманском обществе.

---

[146] Badran Margot, Islamic Feminism: What's in a Name? Al-Ahram Weekly Online, 2002. – №.569. – P. 17-23.
[147] Wadud, Amina, Qur'an and Women: Rereading the Sacred Text from a Woman's Perspectives. Publisher: Oxford University Press; 2 edition. – New York, 1999. – P. 33.

Светский западный феминизм воспринимается ими как чужеродный и непригодный. Другие представители исламского феминизма рассматривают его как ценное дополнение к секулярному (светскому) феминизму в борьбе с укоренившимся патриархатом. Они считают, что простой призыв западных феминисток к борьбе женщин за универсальные права человека может не иметь никакого резонанса у мусульманок и быть воспринят как что-то элитарное и чужеродное, поэтому необходимо взаимодействие с исламом[148].

Светский феминизм в Египте и других арабских странах всегда обращается и к религии. Египетский феминистский дискурс, например, одновременно фигурирует в дискурсе исламской реформы и в дискурсе светского национализма. Светский феминизм (часто называемый просто феминизмом) апеллирует к исламским аргументам в требовании женских прав на образование, работу, политических прав вместе с секулярными националистическими, гуманитарными (позже – человеческими) правами и демократическими аргументами.

Исламский феминизм выступает в защиту женских прав, гендерного равенства и социальной справедливости, используя исламский дискурс как первостепенный дискурс, но не обязательно единственный. Исламский феминистский дискурс в Иране, например, опирается на светские дискурсы и методы, чтобы усилить и расширить свои утверждения. Вадуд в своей интерпретации Корана комбинирует классические исламские методы с новыми социологическими инструментами и светскими дискурсами прав и свобод, сохраняя центральное основание в исламской мысли.

Тому, каким образом светский феминистский дискурс включает в себя религиозный дискурс, посвящены многие исследования последних лет: статья Бадран «Локальный Феминизм: Коллапс Секулярного и Религиозного

[148] Roald Anne Sofie. Feminist Reinterpretation of Islamic Sources: Muslim Feminist Theology in the Light of the Christian Tradition of Feminist Thought // Women and Islamization: Contemporary Dimensions of Discourse on Gender Relations. Karin Ask and Marit Tjomsland Ed. Oxford and New York: Berg, 1998. – P. 17-44.

Дискурсов в Машрике»[149], публикации Зиба Мир-Хоссейни и Афсанех Наймабадех и книга Мириам Куки «Женщины утверждают ислам: создание исламского феминизма через литературу»[150] и др.

Некоторые цели светского феминизма совпадают с целями религиозного, например, изменения в национальных кодексах о личном статусе. Как отмечает Бадран Марго, часто, когда исламский и светский феминизмы объединяются в единой борьбе во имя достижения одной цели, их разъединяют противодействующие политические силы, как это было в Йемене, когда женщины пытались предотвратить вступление в силу регрессивного закона о личном статусе в 1997 г.

§ 2.5 Принципы исламского феминизма

Основной аргумент исламского феминизма заключается в том, что в Коране утверждается принцип равенства всех людей, но практика равенства мужчин и женщин (и других категорий людей) была нарушена патриархатной идеологией и действиями. Исламская юриспруденция, фикх, укрепилась в классической форме в 9 веке, «который был сильно пропитан патриархатным мышлением и нормами поведения», утверждает Бадран: «Именно эта патриархатно-отклонённая юриспруденция лежит в основе современных Шариатов». Марго Бадран говорит: «Часто использовались не всегда достоверные хадисы, высказывания и действия пророка Мухаммада (с.а.в.), из сомнительных источников, или вне контекста, чтобы укрепить патриархатные идеи и практики»[151].

Основными методами исламского феминизма (точнее исламской феминисткой теологии, как его некоторые мусульмане называют, например, ливанка Хосни Аббоуд) являются классические методы ислама: иджтихад и

---

[149] Badran Margot, Locating feminisms: The collapse of secular and religious discourses in the Mashriq, Agenda. – 2001. – Vol. 16. – P. 41-57

[150] Miriam Cooke, Women Claim Islam. – New York: Routledge, 2001. – P. 113.

[151] Badran Margot, Islamic Feminism: What's in a Name? Al-Ahram Weekly Online, 2002. – №.569. – P. 17-23.

тафсир. Вместе с ними также используются методы и инструменты из лингвистики, истории, литературной критики, социологии, антропологии и т.д.

Таким образом, женщины участвуют в пересмотре исламских источников и активно способствуют тому, что было метко названо Валентиной Могадам, «демократизацией иджтихада»[152]. Интерпретируя Коран, женщины включают в прочтение собственный женский опыт. Они отмечают, что классическая интерпретация и большинство пост-классических основаны на мужском опыте и андроцентрированных вопросах, в целом на влиянии патриархатного общества, в котором они создавались.

Так, приоритетным для исламского феминизма является обращение к фундаментальному и центральному (полному) тексту Корана, чтобы «восстановить его эгалитарный посыл». Другой стратегией является попытка «восстановить потерянную историю», когда женщина была активно включена в общественную жизнь. Феминистки, как Фатима Мернисси (Марокко) и Ассия Джебар (Алжир), изучали жизни женщин во времена формирования ислама, при жизни пророка Мухаммада (с. а. в.). «Женщины могли ходить в мечеть и задавать там вопросы лично пророку. Это означает, что они имели прямой доступ к власти»[153]. Фатима Мернисси утверждает, что посыл ислама изначально заключался в радикальном равенстве, привилегированная мужская элита «неохотно» приняла изменения в общественной сфере, но делала всё, чтобы хотя бы в частной сфере избежать изменений. «Вот почему идеалы рухнули после смерти пророка (с. а. в.). Опираясь на «подлинный, аутентичный» ислам феминистки выступают против маргинализации женщин от социальных, религиозных и общественных дел сегодня»[154].

---

[152] Valentine M. Moghadam. Modernizing Women: Gender and Social Change in the Middle East. – Boulder. Lynne Reinner Publishers, 2013. – P. 215.

[153] Zamila Abdul Rani, What is islamic feminism? Promoting cultural change and gender equality, Proceeding of the 2nd International Conference on Management and Muamalah. – 2015 – P. 114.

[154] Wadud, Amina, Qur’an and Women: Rereading the Sacred Text from a Woman’s Perspectives. Publisher: Oxford University Press; 2 edition. – New York, 1999. – P. 38.

Участие феминисток в пересмотре исламских источников подразумевает исследования, начиная от изучения асбаб ан-нузуль, заканчивая контекстуализацией хадисов[155]. Некоторые женщины сфокусировали внимание исключительно на Коране (Амина Вадуд, Рифаат Хассан, Асма Барлас, саудитка Фатима Насииф), другие перечитывают Коран для исследования редакций Шариата (ливанка Азиза аль-Хибри, пакистанка Шахиин Сардар Али), тогда как третьи пересматривают хадисы (Фатима Мернисси, турчанка Хидает Туксал).

Примеры из исследований и реинтерпретаций аятов Корана представлены ниже в параграфе, посвящённом феминистской герменевтике, поэтому приведём пример пересмотра понимания хадиса исламскими феминистками. Хадис, переданный Бухари (5096) и Муслим (2740) «Я не оставил после себя фитны (искушения) более губительной, чем женщины». Многие ошибочно, по мнению феминисток, заключают из этого изречения пророка (с. а. в), что женщина – вред и зло, которое нужно терпеть, как бедность, голод и болезнь. «Но часто забывается в таком случае 35 аят 21 суры»:

كُلُّ نَفْسٍ ذَائِقَةُ الْمَوْتِ وَنَبْلُوكُم بِالشَّرِّ وَالْخَيْرِ فِتْنَةً وَإِلَيْنَا تُرْجَعُونَ

[Kullu Nafsin Dhā'iqatu Al-Mawti Wa Nablūkum Bish-Sharri Wa Al-Khayri Fitnatan Wa 'Ilaynā Turja`ūna]

«Каждая душа вкусит смерть. Мы испытываем вас добром и злом ради искушения, и к Нам вы будете возвращены»[156].

То есть эти искушения позволяют достичь им спасения. Вроде бы ничего нового феминистки не открыли в содержании хадиса, но подчеркнули позитивную роль женщины как способа попадания мужчин в рай путём удержания от искушения. Не будь женщин – не было бы и искушения,

---

[155] Wadud, Amina, Qur'an and Women: Rereading the Sacred Text from a Woman's Perspectives. Publisher: Oxford University Press; 2 edition. – New York, 1999. – P. 67.

[156] Коран, Тафсир ас-Саади, перевод Эльмира Кулиев [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://quran-online.ru/9/saadi

которым Аллах испытывает людей, здесь – мужчин, то есть искушение, «как благословение, а не как трагедия»[157].

Таким образом, феминистки видят причину проблем женского положения в мусульманском мире в неправильной интерпретации мужчинами исламских принципов.

Исламский феминизм также стремится «восстановить» и обеспечить соблюдение прав, которыми должны обладать женщины в соответствии с исламом, но которые не соблюдаются из-за культурных норм, с позиции чести или стыда. Например, никах – контракт между двумя согласными сторонами, подразумевающий установление определённых условий обеими сторонами. Право женщин определять условия договора касательно многожёнства, опеки над детьми в случае развода и относительно других важных моментов может дать им возможность в значительной степени контролировать свою жизнь. Часто из-за культурных установок невестам стыдно говорить открыто о вещах, способных повлиять на их будущее[158]. Женщин нужно просвещать в области их прав, потому что многие из них воспринимают абьюзивные отношения в семье как Божье постановление, обслуживать мужей и подчиняться им рассматривается многими как норма[159].

Исламский феминизм пришёл на смену секулярному (светскому) мусульманскому феминизму, и, по мнению Бадран, является более радикальным. Исламский феминизм стремится к полному равенству мужчин и женщин в общественной и личной сферах жизни (светский феминизм исторически утверждал идею гендерного равенства только в общественной жизни, а в частной – концепцию комплементарианизма, различающую взаимодополняющие мужские и женские роли и обязанности). Марго Бадран

---

[157] Zamila Abdul Rani, What is islamic feminism? Promoting cultural change and gender equality, Proceeding of the 2nd International Conference on Management and Muamalah. – 2015 – P. 251.
[158] Там же. – С. 251.
[159] Wadud, Amina, Qur’an and Women: Rereading the Sacred Text from a Woman’s Perspectives. Publisher: Oxford University Press; 2 edition. – New York, 1999. – P.91.

утверждает, что исламский феминизм допускает возможность женщины стать главой государства, муфтием, судьёй и провести пятничную молитву.

§ 2.6 Исламская феминистская герменевтика

Согласно мнению исламских феминисток, новая, учитывающая гендерные аспекты, так называемая феминистская герменевтика демонстрирует форму гендерного равенства в Коране, которая была потеряна , так как мужские интерпретации создали корпус Тафсира, утверждающий доктрину мужского господства и отражающий образ мышления преобладающих тогда патриархатных культур.

Они апеллируют к аятам Корана, в которых говорится о равенстве всех людей. Феминисткая герменевтика разделяет универсальные основные принципы и частные, условно-возможные или эфемерные. «Определённые практики были разрешены (в Коране) в ограниченной степени как путь к сокращению широко распространённых видов поведения в обществе (принижающих женщину), в которое было ниспослано откровение, вдохновляя верующих и ставя их на путь расширения справедивости и равенства во взаимодействии людей»[160].

Феминистская герменевтика использует три подхода:

1) пересмотр аятов Корана для опровержения широко распространённых неправдивых историй, как о создании человека и события в Эдемском саду, а также ошибочных мнений относительно отдельных аспектов поведения женщины в обществе и семье, которые утверждают мужское превосходство;

2) цитирование аятов, в которых недвусмысленно закреплено гендерное равенство;

[160] Badran Margot, Islamic Feminism: What’s in a Name? Al-Ahram Weekly Online, 2002. – №.569. – P. 17-23.

3) анализ аятов, посвящённых разнице между мужчинами и женщинами, которые традиционно трактовались с позиции доминирования мужчин.

Иджтихад – приоритетный инструмент в исламской феминисткой теологии т. к. он позволяет реинтерпретировать священные писания, сохраняя их сущность, но трансформируя некоторые аспекты в соответствии с нуждами современного общества. Абдулкарим Соруш, современный философ, теолог и общественный деятель Ирана, который сформулировал «двадцать тезисов», заложивших основу концепции реформирования религиозного знания, разделяет элементы ислама на существенные и второстепенные. Последние социально и исторически зависимы, поэтому они должны меняться, по утверждению Соруша[161].

Соруш утверждает, что среди богословов есть те, кто не в силах понять ценности и ритм современного мира. «Эти люди порой несведущи в географии, естествознании, и других точных и естественных науках, а также в культуре, истории религии, в полемике религиозной мысли с научными и философскими идеями. Такие мыслители полагают, что религия может быть возрождена путем ряда внешних изменений. Они пытаются найти в древних текстах корни новых научных достижений, ссылаясь на религиозные пророчества. На деле же они питают надежду, что смогут стереть ржавчину веков с внешней оболочки религии путём старых уловок»[162]. Соруш говорит о необходимости формирования научных дисциплин, отвечающих современным потребностям, таких как исламская социология и исламская психология. «Современная среда кардинально отличается от Аравии 7-го века, особенно, относительно взаимоотношений мужчин и женщин»[163].

---

[161] Soroush, Abdolkarim. Reason, Freedom and Democracy in Islam: Essential Writings of Abdolkarim Soroush. Translated, Edited, and with a Critical Introduction by Mahmoud Sadri and Ahmad Sadri. – New York: Oxford University Press, 2000. – P. 28.

[162] Там же. – С. 28.

[163] Wadud, Amina, Qur'an and Women: Rereading the Sacred Text from a Woman's Perspectives. Publisher: Oxford University Press; 2 edition. – New York, 1999. – P. 47.

Например, исламские феминистки указывают на то, что преимущество мужчин перед женщинами, недвусмысленно выраженное в Коране, как опекунство над женщиной, было правильным в прежние времена – когда материнство было неизбежной ролью женщины, что делало её зависимой. Сейчас же – когда женщины не просто могут контролировать своё репродуктивное поведение, но часто и независимы, традиционное понимание данного постулата может определённо измениться[164].

Примером реинтерпретации Корана (третий подход герменевтики) может служить пересмотр исламскими феминистками 4 аята 34 суры.

Созданные изначально равными, люди имеют биологические различия для сохранения и продолжения рода, говорит Марго Бадран. Только в определённом контексте и условиях женщины и мужчины берут на себя разные роли и выполняют разные функции. Так, только женщины могут рожать и вскармливать детей, соответственно, в этих конкретных обстоятельствах муж по Корану должен обеспечивать материальную поддержку[165].

الرِّجَالُ قَوَّامُونَ عَلَى النِّسَاءِ بِمَا فَضَّلَ اللَّهُ بَعْضَهُمْ عَلَى بَعْضٍ وَبِمَا أَنفَقُوا مِنْ أَمْوَالِهِمْ

[Ar-Rijālu Qawwāmūna `Alá An-Nisā' Bimā Fađđala Al-Lahu Ba`đahum `Alá Ba`đin Wa Bimā 'Anfaqū Min 'Amwālihim]

«Мужчины являются попечителями женщин, потому что Аллах дал одним из них преимущество перед другими, и потому что они расходуют из своего имущества»[166](4:34)

Вадуд-Мухсин, Хассан, Аль-Хибри, Насииф и др. утверждают, что слово «qawwāmūna» имеет директивную окраску и указывает на обязанность мужчин обеспечивать женщин в контексте деторождения и вскармливания. Это не обязательно означает, что женщина не может сама себя обеспечивать. Термин «qawwāmūna», по их мнению, не является безусловным

[164] Wadud, Amina, Qur'an and Women: Rereading the Sacred Text from a Woman's Perspectives. Publisher: Oxford University Press; 2 edition. – New York, 1999. – P. 64.
[165] Badran Margot, Islamic Feminism: What's in a Name? Al-Ahram Weekly Online, 2002. – №.569. – P. 17-23.
[166] Коран, Тафсир ас-Саади, перевод Эльмира Кулиев [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://quran-online.ru/9/saadi

утверждением постоянного мужского превосходства и доминирования над всеми женщинами, как это традиционно трактуется мужчинами.

Женщины-учёные, интерпретирующие Коран, считают, что в классических толкованиях, созданных мужчинами, условное и специфическое представляется универсальным. Кроме того, они обращают внимание на аяты, утверждающие взаимную ответственность мужчин и женщин друг перед другом, как в 71 аяте 9 суры:

وَالْمُؤْمِنُونَ وَالْمُؤْمِنَاتُ بَعْضُهُمْ أَوْلِيَاءُ بَعْضٍ

[Wa Al-Mu'uminūna Wa Al-Mu'uminātu Ba`đuhum 'Awliyā'u Ba`đin]

«Верующие мужчины и женщины являются помощниками и друзьями друг другу»[167]. (9:71) Слово «Awliyā'u», тем не менее, переводится скорее как опекуны, т. е. ответственные[168].

Примером применения второго подхода феминистской герменевтики – цитирования аятов, провозглашающих гендерное равенство, может служить обращение к 35 аяту 33 суры Корана.

إِنَّ الْمُسْلِمِينَ وَالْمُسْلِمَاتِ وَالْمُؤْمِنِينَ وَالْمُؤْمِنَاتِ وَالْقَانِتِينَ وَالْقَانِتَاتِ وَالصَّادِقِينَ وَالصَّادِقَاتِ وَالصَّابِرِينَ وَالصَّابِرَاتِ وَالْخَاشِعِينَ وَالْخَاشِعَاتِ وَالْمُتَصَدِّقِينَ وَالْمُتَصَدِّقَاتِ وَالصَّائِمِينَ وَالصَّائِمَاتِ وَالْحَافِظِينَ فُرُوجَهُمْ وَالْحَافِظَاتِ وَالذَّاكِرِينَ اللَّهَ كَثِيرًا وَالذَّاكِرَاتِ أَعَدَّ اللَّهُ لَهُم مَّغْفِرَةً وَأَجْرًا عَظِيمًا

['Inna Al-Muslimīna Wa Al-Muslimāti Wa Al-Mu'uminīna Wa Al-Mu'umināti Wa Al-Qānitīna Wa Al-Qānitāti Wa Aş-Şādiqīna Wa Aş-Şādiqāti Wa Aş-Şābirīna Wa Aş-Şābirāti Wa Al-Khāshi`īna Wa Al-Khāshi`āti Wa Al-Mutaşaddiqīna Wa Al-Mutaşaddiqāti Wa Aş-Şā'imīna Wa Aş-Şā'imāti Wa Al-Ĥāfižīna Furūjahum Wa Al-Ĥāfižāti Wa Adh-Dhākirīna Al-Laha Kathīrāan Wa Adh-Dhākirāti 'A`adda Al-Lahu Lahum Maghfiratan Wa 'Ajrāan `Ažīmāan]

«Воистину, для мусульман и мусульманок, верующих мужчин и верующих женщин, покорных мужчин и покорных женщин, правдивых мужчин и правдивых женщин, терпеливых мужчин и терпеливых женщин, смиренных мужчин и смиренных женщин, подающих милостыню мужчин и

---

[167] Коран, Тафсир ас-Саади, перевод Эльмира Кулиев [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://quran-online.ru/9/saadi

[168] Баранов Х.К. Арабско-русский словарь. – Ташкент: Камалак, 1994. – С. 189.

подающих милостыню женщин, постящихся мужчин и постящихся женщин, хранящих целомудрие мужчин и хранящих целомудрие женщин и часто поминающих Аллаха мужчин и женщин, Аллах уготовил прощение и великую награду»[169]. (33:35)

А также цитирование 97 аята 16 суры:

مَنْ عَمِلَ صَالِحًا مِّن ذَكَرٍ أَوْ أُنثَى وَهُوَ مُؤْمِنٌ فَلَنُحْيِيَنَّهُ حَيَاةً طَيِّبَةً وَلَنَجْزِيَنَّهُمْ أَجْرَهُم بِأَحْسَنِ مَا كَانُوا يَعْمَلُونَ

[Man `Amila Şāliĥāan Min Dhakarin 'Aw 'Unthá Wa Huwa Mu'uminun Falanuĥyiyannahu Ĥayāatan Ţayyibatan Wa Lanajziyannahum 'Ajrahum Bi'aĥsani Mā Kānū Ya`malūna]

«Верующих мужчин и женщин, которые поступали праведно, Мы непременно одарим прекрасной жизнью и вознаградим за лучшее из того, что они совершали»[170] (16:97)

В рамках первого подхода, например, исследуются 115, 121-122 аяты 20 суры. Таким образом опровергается «миф» о том, что женщина – источник человеческих трагедий в связи с утверждаемой Библией ролью искусительницы, которая соблазнила Адама на непослушание Господа. Соблазняя его вкусить запретный плод, она не просто проигнорировала Аллаха, но также стала причиной изгнания человеческого рода из Рая, обрекая всех людей на мирские страдания, – этот «библейский миф» поддерживают некоторые мусульмане, опираясь на ложные или слабые хадисы[171]. Этот «миф» Ветхого Завета широко распространён среди мусульман, несмотря на то, что в Коране подчёркивается, что именно Адам ответственен за свою ошибку:

وَلَقَدْ عَهِدْنَا إِلَى آدَمَ مِن قَبْلُ فَنَسِيَ وَلَمْ نَجِدْ لَهُ عَزْمًا

---

[169] Коран, Тафсир ас-Саади, перевод Эльмира Кулиев [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://quran-online.ru/9/saadi

[170] Коран, Тафсир ас-Саади, перевод Эльмира Кулиев [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://quran-online.ru/9/saadi

[171] Yusuf al Qaradawi. Approaching the Sunnah: Comprehension and Controversy. 1st Ed. Virginia: International Institute of Islamic Thought. – 2006. – P. 154.

[Wa Laqad `Ahidnā 'Ilá 'Ādama Min Qablu Fanasiya Wa Lam Najid Lahu `Azmāan]

«Прежде Мы заключили завет с Адамом, но он забыл, и Мы не нашли у него твердой воли»[172]. (20: 115)

فَأَكَلَا مِنْهَا فَبَدَتْ لَهُمَا سَوْآتُهُمَا وَطَفِقَا يَخْصِفَانِ عَلَيْهِمَا مِن وَرَقِ الْجَنَّةِ وَعَصَى آدَمُ رَبَّهُ فَغَوَى

[Fa'akalā Minhā Fabadat Lahumā Saw'ātuhumā Wa Ţafiqā Yakhşifāni `Alayhimā Min Waraqi Al-Jannati Wa `Aşá 'Ādamu Rabbahu Faghawá]

Они оба поели с него, и тогда им стали видны их срамные места. Они стали прилеплять на себе райские листья. Адам ослушался своего Господа и впал в заблуждение[173]. (20: 121)

ثُمَّ اجْتَبَاهُ رَبُّهُ فَتَابَ عَلَيْهِ وَهَدَى

[Thumma Ajtabāhu Rabbuhu Fatāba `Alayhi Wa Hadá]

Потом Господь избрал его, принял его покаяние и наставил на прямой путь[174]. (20: 122)

Таким образом, исламские феминистки апеллируют к данным аятам, чтобы акцентировать внимание исламской общины (уммы) на отсутствие в исламской доктрине, в Коране, информации об исключительной ответственности женщины за изгнание человека из рая и последующие страдания человеческого рода[175].

Также исламский феминизм обращается к аятам Корана для опровержения сложившегося мнения в мусульманском мире относительно речи и публичных выступлений женщины. Считается, что женщины должны понижать голос (желательно, до шёпота или даже молчания), кроме как в общении с мужем, опекуном или женщинами[176]. Для возражения этому «стереотипному» взгляду феминистки цитируют 53 аят 33 суры, в котором

---

[172] Коран, Тафсир ас-Саади, перевод Эльмира Кулиев [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://quran-online.ru/9/saadi

[173] Коран, Тафсир ас-Саади, перевод Эльмира Кулиев [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://quran-online.ru/9/saadi

[174] Там же.

[175] Zamila Abdul Rani, What is islamic feminism? Promoting cultural change and gender equality, Proceeding of the 2nd International Conference on Management and Muamalah. – 2015. – P. 249.

[176] Zamila Abdul Rani, What is islamic feminism? Promoting cultural change and gender equality, Proceeding of the 2nd International Conference on Management and Muamalah. – 2015 – P. 250.

говорится, что те, кто хотел попросить у жён пророка (с.а.в.) какую-либо домашнюю утварь, попросить о помощи или обратиться за советом, то должны были разговаривать с ними через завесу. То есть «учитывая, что вопросы требуют ответа, жёны выносили фетвы тому, кто спрашивал, и рассказывали хадисы. Более того, для женщин было нормой задавать вопросы пророку (с. а. в.) в присутствии мужчин. Они не стыдились того, что голос слышат мужчины, и пророк (с. а. в.) не пресекал их вопросы»[177].

Другим кораническим примером публичной речи женщины является 23 аят 28 суры:

وَلَمَّا وَرَدَ مَاءَ مَدْيَنَ وَجَدَ عَلَيْهِ أُمَّةً مِّنَ النَّاسِ يَسْقُونَ وَوَجَدَ مِن دُونِهِمُ امْرَأَتَيْنِ تَذُودَانِ قَالَ مَا خَطْبُكُمَا قَالَتَا لَا نَسْقِي حَتَّى يُصْدِرَ الرِّعَاءُ وَأَبُونَا شَيْخٌ كَبِيرٌ

[Wa Lammā Warada Mā'a Madyana Wajada `Alayhi 'Ummatan Mina An-Nāsi Yasqūna Wa Wajada Min Dūnihimu Amra'tayni Tadhūdāni Qāla Mā Khaṭbukumā Qālatā Lā Nasqī Ĥattá Yuşdira Ar-Ri`ā'u Wa 'Abūnā Shaykhun Kabīrun]

«Когда он (Муса/Моисей) прибыл к колодцу в Мадьяне, то обнаружил возле него людей, которые поили скотину. Неподалеку от них он увидел двух женщин, которые отгоняли свое стадо. Он сказал: «Что с вами?» Они сказали: «Мы не поим скотину, пока пастухи не уведут свои стада. Наш отец очень стар».

Также в 27 суре Корана содержится разговор между Сулейманом и царицей Савской, как и между ней и её подданными. Все эти примеры указывают на то, что «женщине было разрешено высказывать своё мнение публично, пока это единогласно не было отвергнуто исламской доктриной »[178].

---

[177] Zamila Abdul Rani, What is islamic feminism? Promoting cultural change and gender equality, Proceeding of the 2nd International Conference on Management and Muamalah. – 2015 – P. 250.

[178] Yusuf al Qaradawi. Approaching the Sunnah: Comprehension and Controversy. 1st Ed. Virginia: International Institute of Islamic Thought. – 2006. – P. 173.

Так, единственным запретом является мягкая, обольщающая женская речь, в манере флирта, способная соблазнить мужчину. Об этом говорится в 32 аяте 33 суры:

يَا نِسَاءَ النَّبِيِّ لَسْتُنَّ كَأَحَدٍ مِّنَ النِّسَاءِ إِنِ اتَّقَيْتُنَّ فَلَا تَخْضَعْنَ بِالْقَوْلِ فَيَطْمَعَ الَّذِي فِي قَلْبِهِ مَرَضٌ وَقُلْنَ قَوْلًا مَّعْرُوفًا

[Yā Nisā'a An-Nabīyi Lastunna Ka'aĥadin Mina An-Nisā' 'Ini Attaqaytunna Falā Takhđa`na Bil-Qawli Fayaţma`a Al-Ladhī Fī Qalbihi Marađun Wa Qulna Qawlāan Ma`rūfāan]

«О жены Пророка! Вы не таковы, как любая другая женщина. Если вы богобоязненны, то не проявляйте нежности в речах, дабы не возжелал вас тот , чье сердце поражено недугом, а говорите достойным образом».

То есть не все разговоры с женщиной запрещены Аллахом.

Доказывая своё право на участие в публичной жизни общества, исламские феминистки также претендуют на традиционно монопольное право мужчин интерпретации Корана. Поднимая вопрос, кто имеет полномочия трактовать священное писание, выносить фетвы и формировать исламское право, женщины оказались в центре современного реформистского движения. Ведь реформаторские течения в исламе всегда отталкивались от лозунга открытия врат иджтихада.

Таким образом, исламские феминистки не отрицают ислам, а наоборот, считают, что искренняя вера в Аллаха вдохновляет их на борьбу за права женщин. Они утверждают, что ислам не поощряет гендерное неравенство и что существующее положение женщин на Ближнем Востоке связано не с предписаниями ислама, а с трактовкой этих предписаний мужчинами.

ГЛАВА Ш. ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСЛАМСКИХ ФЕМИНИСТОК

§ 3.1 Анализ коммуникативных стратегий и тактик статьи Суад Эддуада: «Реализация исламского феминизма: дело о реформе семейного кодекса Марокко»

Под коммуникативной стратегией мы вслед за понимаем общий план или «вектор» речевого поведения, выражающийся в выборе системы продуманных говорящим/пишущим поэтапных речевых действий; линия речевого поведения, принятая на основе осознания коммуникативной ситуации в целом и направленная на достижение конечной коммуникативной цели или целей в процессе речевого общения[179]. При этом каждая коммуникативная стратегия характеризуется определенным набором коммуникативных тактик.

Конечная цель любой речевой стратегии – коррекция модели мира адресата». С помощью различных средств участники общения «вводят в разговор свои собственные интерпретации (проблем, тем, событий, образов и т. д.), желая сделать их общими и тем самым добиться реализации своего замысла.

Стоит подчеркнуть, что универсальных коммуникативных стратегий в чистом виде не существует. Планирование речи каждый раз осуществляется в особых условиях, любой элемент которых может оказать решающее влияние на конечный результат.

Суад Эддуада – Ph.D., училась в Университете Мухаммеда V и была сотрудником института повышения квалификации в Принстоне Нью-Джерси, в Лундском университете в Лунде. Проводила исследования в

[179] Сковородников А. П. О необходимости разграничения понятий «риторический прием», «стилистическая фигура», «речевая тактика», «речевой жанр» в практике терминологической лексикографии // Риторика-лингвистика. Вып. 5. – Смоленск: СГПУ, 2004. – С. 7.

Тунисе и читала лекции в Финляндии, Стокгольме, Швеции, Германии, Ливане, Объединенных Арабских Эмиратах, Испании, Италии.

Суад Эддуада изучает марокканское феминистское общественное движение с позиции инсайдера, начатое в 1990-х годах, которое завершилось реформами марокканского семейного кодекса 2004 года. Реформа Марокканского семейного кодекса 2004 года, Мудавана (кодекса личного статуса), считается победой женского движения в мусульманском мире, что послужило примером и источником вдохновения для транснациональной феминистской активности во всем мире. Однако, несмотря на победу на законодательном уровне, в процессе реализации Мудаваны по-прежнему остается много проблем, доктор философии Суад Эддуада демонстрирует это в своей статье.

Проанализируем коммуникативные единицы целенаправленно выбираемые автором для достижения оптимального прагматического воздействия.

В тексте статьи мы обнаруживаем стратегию аргументативности, то есть использование риторической аргументации, которая направлена на логический (рациональный) компонент воздействия. Основная цель аргументативного дискурса – убедить аудиторию (оппонента) в том, что то или иное суждение истинно или приемлемо. Автор использует тактику иллюстрирования, причём в данном случае коммуникативная цель – привлечь на свою идеологическую сторону оппонентов, поэтому иллюстрация являет собой исторический факт, способный убедить несогласных принять точку зрения говорящего/пищущего:

«This by no means, however, indicates that theologians or Ulema are a homogenous anti-feminist group. Some of these religious scholars advocated rights

for women like the 16th century Alem Ibn Ardoun whose fatwas advocated gender justice and individual women's rights as early as 16th century rural Morocco»[180].

«Однако это ни в коем случае не указывает, что богословы или улемы являются однородной антифеминистской группой. Некоторые из этих религиозных ученых выступали за продвинутые права для женщин, такие как Алем Ибн Ардун 16-го века, чья фетва выступала за гендерную справедливость и отдельные права женщин еще в 16 веке в сельских районах Марокко».

Учитывая тенденцию исламского феминистского дискурса к интеграции с политическим дискурсом, основные функции которого регулятивная (в качестве инструмента борьбы за власть) и манипуляция общественным сознанием, отметим, что ожидаемая от феминистского дискурса тактика «создания образа врага» в лице мужчин, создавших и поддерживающих патриархатные нормы общества, наблюдается не активно использованной. Ведь автору важно воздействовать на адресата, которыми являются и мужчины, изменить его отношение к вопросу.

Здесь обращает на себя внимание использование эмоционально-экспрессивной лексики: «by no means» «ни в коем случае» как способ воздейсвия. Производится выбор единиц, которые вызывают у получателя текста необходимые негативные ассоциации, а следовательно, у него формируется соответствующее отношение к предмету разговора.

Стратегию аргументативности, так же актуализированную тактикой иллюстрирования можно обнаружить и в следующей цитате:

«The pre-2003/4 gender-discriminating Family Code and the previous absence of any state programs for the elevation of women's status had been justified by a sense of the sacred and private status of "women issues" and the "political incorrectness" within the public debate on the "women's question." This

[180] Souad Eddouada Implementing Islamic Feminism: The Case of Moroccan Family Code Reform /Islamic Feminism: Current Perspectives // Tampere Peace Research Institute Occasional Paper. - 2008. - №96, ed. Anitta Kynsilehto. - C. 38.

construction of religious specificity in opposition to gender equality had for decades been used as legitimization for maintaining misogynist laws»[181].

«Семейный кодекс до 2003 / 4 гг., а также предыдущее отсутствие каких-либо государственных программ по повышению статуса женщин были оправданы чувством священного и частного статуса «женских проблем» и «политической неточности» в рамках публичных дебатов по «женскому вопросу». Такое построение религиозной специфики в противовес гендерному равенству на протяжении десятилетий использовалось в качестве легитимации для сохранения женоненавистских законов».

Примером той же стратегии и тактики (а точнее – исторического иллюстрирования) выступает следующее высказывание:

«One of the main urban voices at that time was Allal Al-Fassi, a contemporary Moroccan religious scholar who advocated the rights of the Muslim Moroccan woman, arguing for the abolition of polygamy in his writings and supporting it during the codification of the 1957 Family Code»[182].

«Одним из главных городских голосов в то время был Аллал Аль-Фасси, современный марокканский религиозный ученый, который защищал права мусульманской марокканской женщины, выступая за отмену многоженства в своих работах и поддерживая это во время кодификации Семейного кодекса 1957 года».

Выявляется стратегия создания положительной оценки посредством тактики названия достижений в следующем речевом действии:

«The reform of the Family Code initiated by King Mohamed VI was part of a more general shift in the state's policy on gender, based on the "egalitarian spirit of Islam and universal human principles." In the same spirit as the Family Code reforms, the King had earlier initiated the 2002 quota-based election of 33 women

[181] Souad Eddouada Implementing Islamic Feminism: The Case of Moroccan Family Code Reform /Islamic Feminism: Current Perspectives // Tampere Peace Research Institute Occasional Paper. - 2008. - №96, ed. Anitta Kynsilehto. - С. 41.

[182] Souad Eddouada Implementing Islamic Feminism: The Case of Moroccan Family Code Reform /Islamic Feminism: Current Perspectives // Tampere Peace Research Institute Occasional Paper. - 2008. - №96, ed. Anitta Kynsilehto. - С. 39.

to the parliament. (The Moroccan parliament had usually around two women out of its 250 members). In another move emphasizing women's new civic and religious responsibility, in 2005, the ministry of religious affairs recruited the first group of women religious mosque preachers. Each of these three landmark state initiatives had been undertaken in the name of the "democratization process" and "the implementation of the national modernization political and religious projects."». [183]

«Реформа Семейного кодекса, инициированная королем Мухаммедом VI, была частью более общего сдвига в политике государства в отношении пола, основанной на «уравнительном духе ислама и общечеловеческих принципах». В том же духе, что и реформы семейного кодекса, ранее король назначил выборы в парламент по выборам из 33 женщин в 2002 году. (В Марокканском парламенте обычно было около двух женщин из 250 членов). В другом движении подчеркивается новая гражданская и религиозная ответственность женщин, в 2005 году министерство религиозных дел наняло первую группу проповедников религиозных мусульманских женщин. Каждая из этих трех важных инициатив государства была предпринята во имя «процесса демократизации» и «осуществления национальных политических и религиозных проектов модернизации».

«The emergence and existence of these women's organizations seemed to be a reaction against an existing cultural, social and political context of gender hierarchy especially, but not exclusively, embodied by the Family Code»[184].

Появление и существование этих женских организаций, казалось, было реакцией на существующий культурный, социальный и политический контекст гендерной иерархии, особенно, но не исключительно, воплощенный в Семейном кодексе.

«Male supremacy was based essentially on a gendered division of labor, even if the conveyed image of the man as the breadwinner is not always factual.

---

[183] Там же.

[184] Souad Eddouada Implementing Islamic Feminism: The Case of Moroccan Family Code Reform /Islamic Feminism: Current Perspectives // Tampere Peace Research Institute Occasional Paper. - 2008. - №96, ed. Anitta Kynsilehto. - C. 42.

Marriage was defined as a contract under the leadership of the man where the woman is subjugated to the man's economic agency»[185].

Мужское превосходство основывалось главным образом на гендерном разделении труда, даже если образ мужчины как кормильца не всегда является фактическим. Брак определялся как контракт под руководством мужчины, где женщина подчиняется ему как экономическому агентству.

§ 3.2 Анализ коммуникативных стратегий и тактик статьи М. Бадран «Исторический обзор конференций по исламскому феминизму: распространения и новые вызовы»

Марго Бадран – одна из наиболее известных феминисток, буквально формирующая основы феминистского дискурса, определяющая векторы; историк и специалист по исследованиям женщин, специализируется на Ближнем Востоке и исламском мире конца 19-го – 21-й век. Она является старшим научным сотрудником международного центра Вудро Вильсона, Вашингтон. Её исследовательские вопросы включают феминизм, пол, современность, ислам, транс/национализм, конструкции светского и религиозного. Она преподавала и читала лекции перед академической и публичной аудиторией в Соединенных Штатах, Европе, на Ближнем Востоке, в Африке, Южной Азии и Юго-Восточной Азии.

Ярким примером тактики солидаризации в рамках стратегии самопрезентации является цитата ниже, где посредством лексемы «singular», «единство» распознаётся позиция автора, видится непрямой призыв к единению:

«I continue to prefer to retain the singular to keep the focus on Islamic feminism's core message, and sine qua non, of all human equality inclusive of gender equality and social justice»[186].

---

[185] Там же. С. 44

«Я по-прежнему предпочитаю сохранить единство, чтобы сосредоточиться на основном послании исламского феминизма и непревзойденном человеческом равенстве, включая гендерное равенство и социальную справедливость».

Лексема «sine qua non» «непревзойдённый/обязательный» актуализирует тактику эмоционального воздействия в рамках стратегии убеждения.

В следующем речевом действии наблюдаем стратегию самопрезентации: тактику солидаризации («we as a group» «мы как группа»), а также стратегию оппозиционирования/ «создания круга чужих» посредством тактики открытой критики («dire effects» «ужасное воздействие »).

«We as a group of secular feminist scholars and human rights activists of different religions and national backgrounds had assembled to discuss the still relatively new and disturbing appearance of religious fundamentalisms and their dire effects on women»[187].

«Мы, как группа светских феминистских ученых и правозащитников, принадлежащие к разным религиям и национальностям, собрались для обсуждения еще относительно нового и тревожного проявления религиозных фундаментализмов и их ужасного воздействия на женщин».

Стратегия оппозиционирования используется Бадран и в следующем речевом акте:

«The focus of the second conference was on the shar‘iah and the reform of family laws steeped in patriarchal readings of Islam»[188].

---

[186] Margot Badran. An historical Overview of Conferences on Islamic Feminism: Circulations and New Challenges [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://journals.openedition.org/remmm/6824 (дата обращения: 11.05.2018)

[187] Margot Badran. An historical Overview of Conferences on Islamic Feminism: Circulations and New Challenges [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://journals.openedition.org/remmm/6824 (дата обращения:12.05. 2018)

[188] Там же.

«В центре внимания второй конференции было обсуждение шариата и реформы семейных законов, пропитанных патриархатными чтениями ислама»

Здесь мы можем видеть тактику скрытой критики («steeped in patriarchal readings» пропитанных патриархатными чтениями ислама»)

В следующих высказываниях выявляется стратегия создания положительной оценки посредством тактики названия достижений.

«The great success that Islamic and secular feminists scored with the revision of the Moroccan Mudawwana or family law came about through astute politics involving women, civil society at large, and the state»[189].

«Великий успех, достигнутый исламскими и светскими феминистками за счет пересмотра Марокканского Мудавана, закона о семье, вызвал мудрую политику с участием женщин, гражданского общества в целом и государства».

«As widely known, WLUML became the largest network of Muslim women, together with non-Muslims and is still going strong today»[190].

«Как известно, WLUML стала крупнейшей сетью мусульманских женщин, вместе с немусульманами и по-прежнему сильны сегодня»

«The good news is that Islamic feminist discourse – Islamic liberation theology – is sound, gaining wide traction, and indeed, even political conservatives must take it into account and are even mobilizing an egalitarian version of Islam, if only instrumentally»[191].

«Хорошей новостью является то, что исламский феминистский дискурс – теология исламского освобождения – звучит, набирает широкие обороты, и даже политические консерваторы должны учитывать это и они даже мобилизуют эгалитарную версию ислама, если только инструментально».

---

[189] Там же. (дата обращения 13.05.2018).

[190] Margot Badran. An historical Overview of Conferences on Islamic Feminism: Circulations and New Challenges [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://journals.openedition.org/remmm/6824 (дата обращения:14.05. 2018)

[191] Там же.

«It is also a moment: when expanding numbers of women affiliated with Islamist political parties and movements are gravitating toward the egalitarian model of religion that Islamic feminism explicates, and when moves toward egalitarian Islam are discernable inside highly conservative Muslim majority societies such as Saudi Arabia»[192].

«Также есть момент: когда расширение числа женщин, связанных с исламистскими политическими партиями и движениями, тяготеет к эгалитарной модели религии, которую исламский феминизм объясняет, и когда шаги в направлении эгалитарного ислама заметны внутри высоко консервативных обществ с преобладающим мусульманским населением, таких как Саудовская Аравия».

Стратегия призыва/побуждения к действию актуализируется через тактику аргументирования:

«Now is the time for serious political work. In this social movement stage what is needed is not more theology but more politics»[193].

«Сейчас настало время для серьезной политической работы. На этом этапе социального движения необходимо больше не богословия, а больше политики».

Интересна рассматриваемая стратегия призыва/побуждения к действию посредством тактики аргументирования и в другом речевом акте Бардан:

«Non-Muslims need to be integral parts of theorizing, strategizing the equality movement, and involvement in application. Exclusivity can derail equality work… as the Islamic world is home to both Muslims and non-Muslims legal and social changes must consider the rights and needs of all members of society. The note of inclusivity was important to deliberations of a just future for all in the real world/s in which we live»[194].

---

[192] Там же.

[193] Margot Badran. An historical Overview of Conferences on Islamic Feminism: Circulations and New Challenges [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://journals.openedition.org/remmm/6824 (дата обращения:15.05. 2018)

[194] Там же.

«Немусульмане должны быть неотъемлемой частью теоретизирования, разработки стратегий движения за равноправие и участия восуществлении. Эксклюзивность может сорвать работу по обеспечению равенства…поскольку исламский мир является домом для мусульман и немусульман, правовые и социальные изменения должны учитывать права и потребности всех членов общества. Заметка о включении важна для обсуждения справедливого будущего для всех в реальном мире, в котором мы живем».

Стратегия аргументативности: использование риторической аргументации, которая направлена на логический компонент воздействия, актуализированная тактикой иллюстрирования прослеживается в следующей цитате:

«WMUML held a conference in Bangladesh in 1992 where we strategized the project of collecting family laws based in fiqh, along with civil and customary laws, in some twenty Muslim majority countries. We wished to demonstrate the diversity of family laws in Muslim societies and thus the multiple readings of Islamic jurisprudence and to underline that so-called “shar ‘iah laws” as fiqh-backed law are man-made and not divine and thus immutable as commonly claimed»[195].

«В 1992 году в Бангладеш была проведена конференция WMUML, в которой мы разработали проект по сбору семейных законов, основанных на фикхах, наряду с законами гражданского и обычного права, в некоторых из 20 мусульманских стран. Мы хотели продемонстрировать разнообразие семейных законов в мусульманских обществах и, соответственно, многочисленные чтения исламской юриспруденции и подчеркнуть, что так называемые «законы шариата» как основанные на фикхе законы являются антропогенными, а не божественными и, следовательно, неизменными, как обычно утверждается».

[195] Margot Badran. An historical Overview of Conferences on Islamic Feminism: Circulations and New Challenges [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://journals.openedition.org/remmm/6824 (дата обращения:16.05. 2018)

Даже лексема «thus» указывает на апеллирование к рациональности.

§ 3.3 Анализ коммуникативных стратегий и тактик статьи Найерех Тохиди «Кроме исламского феминизма: женщины и представительство в демократическом движении Ирана»

Professor, Gender and Women's Studies, California State University, Northridge and Research Associate, Center for Near Eastern Studies, UCLA

Выявляется стратегия создания положительной оценки посредством тактики названия достижений:

«Thanks to the emergence of feminist discourse and the women's movements, the initially male-centered conceptions of modernity, democracy, and citizenship gradually gained a more egalitarian orientation encompassing also the female half and other social groups considered minorities»[196].

«Благодаря появлению феминистского дискурса и женских движений первоначально ориентированные на мужчину концепции модернизации, демократии и гражданства постепенно приобретали более эгалитарную ориентацию, охватывающую также женскую половину и другие социальные группы, считающиеся меньшинствами».

Стратегия оппозиционирования/ «создания круга чужих» посредством тактики открытой критики («violent Islamic fundamentalism (Islamism)» жестоким исламским фундаментализмом (исламизмом))

«Nevertheless, on a daily basis, they are confronted with persistent patrimonial and patriarchal gender relations, male-biased sexual mores and attitudes, and old laws that are sanctioned or sanctified by the conservative religious authorities. This has become exacerbated in more recent years by increasingly violent Islamic fundamentalism (Islamism). Women's rights

[196] Nayereh Tohidi Beyond Islamic Feminism: Women and Representation in Iran's Democracy Movement // Middle East program occasional paper series . – 2010. – С.18.

advocates, therefore, are compelled to address the patriarchal barriers they face in the name and cover of Islam»[197].

«Тем не менее, ежедневно они (мусульманки) сталкиваются с постоянными патримониальными и патриархатными гендерными отношениями, сексуальными нравами и отношениями, основанными на интересах мужчин, и старыми законами, которые санкционированы или освящены консервативными религиозными властями. В последние годы это усугубляется все более жестоким исламским фундаментализмом (исламизмом). Поэтому защитники прав женщин вынуждены обращаться к патриархатным барьерам, с которыми они сталкиваются от имени ислама».

Одной из прагматических характеристик исламского феминистского дискурса, как отмечалось выше, является аргументативность, то есть использование риторической аргументации, которая, как и убеждение, направлена на логический (рациональный) компонент воздействия. Основная цель аргументативного дискурса – убедить аудиторию в том, что то или иное суждение истинно или приемлемо. Автор использует тактику иллюстрирования (апеллирования к историческим фактам) в рамках стратегии аргументативности:

«These examples illustrate that “Islam” or “shar‘iah” are far from being monolithic or static rules set in stone. They can be used and actually have been used instrumentally as tools for power games. At one point during his tenure (1979-1989), Khomeini even declared that all the Islamic injunctions (ahkam) can be temporarily revoked for the sake of the “system’s expediency” in order to preserve the Islamic state»[198].

«Эти примеры иллюстрируют, что «ислам» или «шар'я» далеко не монолитные или статические правила, неизменные. Они могут использоваться и фактически использовали в качестве инструментов для

[197] Nayereh Tohidi Beyond Islamic Feminism: Women and Representation in Iran’s Democracy Movement // Middle East program occasional paper series . – 2010. – C. 19.
[198] Nayereh Tohidi Beyond Islamic Feminism: Women and Representation in Iran’s Democracy Movement // Middle East program occasional paper series . – 2010. – C. 21.

силовых игр. В какой-то момент во время своего пребывания в должности (1979-1989 годы) Хомейни даже заявил, что все исламские предписания (ахкам) могут быть временно отменены ради «целесообразности системы» для сохранения исламского государства».

Здесь наше внимание привлекает внимание лексическая единица «actually» (фактически), фраза «these examples illustrate» (эти примеры иллюстрируют).

Следующее речевое действие демонстрирует стратегию оппозиционирования:

«Thus, many women's rights advocates have felt compelled to engage with religious discourses and challenge the religious authorities and shar'iah law by reinterpreting and reconstructing Islamic texts and rituals from a woman-friendly and egalitarian perspective, hence "Islamic feminism"»[199].

«Таким образом, многие защитники прав женщин были вынуждены заниматься религиозными дискурсами и бросать вызов религиозным властям и законам шариата, переосмысливая и восстанавливая исламские тексты и ритуалы, учитывающие интересы женщин и эгалитаризм, отсюда «исламский феминизм».

Здесь обращают на себя внимание лексемы «reconstructing» «восстанавливая» (исламские тексты); «challenge», бросать вызов (религиозным властям), актуализирующие тактику скрытой критики (мужчин трактовавших предписания ислама неправильно). На синтаксическом уровне автор при выборе единиц руководствуется возможностями акцентно-выделительной системы высказывания.

Стратегии убеждения реализуется посредством тактики указания

на перспективы в следующем высказывании:

«Women's empowerment through education, employment, and reproductive health—in other words, a holistic, gender-sensitive strategy for socioeconomic development along with strong civil-society organizations, especially a grassroots

[199] Там же. С. 19

women's movement—are crucial for democratization and secularization of the society in general and attainment of equal rights in particular»[200].

«Расширение прав и возможностей женщин посредством образования, занятости и репродуктивного здоровья – другими словами, целостная, учитывающая гендерные аспекты стратегия социально-экономического развития наряду с сильными организациями гражданского общества, особенно массовым женским движением, имеет решающее значение для демократизации и секуляризации общества в целом и, в частности, обеспечения равных прав».

Обращает на себя внимание эмоционально-оценочная лексика: «strong» «сильные», «crucial» «решающее значение». При помощи оценочности также осуществляется функция языкового воздействия на получателя информации, так как одной из осознанных, целенаправленных прагматических задач автора является задача формирования с помощью необходимых языковых средств определенного эмоционального психического состояния у реципиента.

Итак, материал в тексте религиозного феминистского дискурса подается аргументативно и четко. Успешное решение лингвопрагматических задач наряду с указанными стратегиями и тактиками лежит в умении использовать механизм «акцентности». В тексте «акцентность» направлена на то, чтобы завоевать внимание читателя, сформировать у него нужную авторам идеологическую установку, заручиться поддержкой. Продуманно и намеренно выбираются языковые средства (лексемы и синтаксические конструкции) для достижения поставленной цели общения.

Таким образом, исламский феминистский дискурс направлена против дискурса патриархатной культуры, призывает к переосмыслению и преодолению властных зависимостей и стереотипов традиционной культуры.

---

[200] Nayereh Tohidi Beyond Islamic Feminism: Women and Representation in Iran's Democracy Movement // Middle East program occasional paper series . – 2010. – С. 21

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках данной работы мы рассмотрели теоретические аспекты прагмалингвистики и дискурс-анализа; изучили понятие и историю исламского феминизма, его особенности и принципы; проанализировали публицистические тексты исламского феминистского дискурса с точки зрения стратегий и тактик говорящих. Источниками послужили публицистические тексты (2008-2018) исламских феминисток на английском языке.

По результатам проделанной работы, мы можем сделать следующие выводы:

1) Исламский феминизм выступает за права женщин, гендерное равенство и социальную справедливость, используя исламский дискурс как первостепенный дискурс

2) В изученных текстах исламских феминисток обнаружены идентичные коммуникативные стратегии речевого воздействия такие, как:

- Стратегия аргументативности, то есть использование риторической аргументации, которая направлена на логический (рациональный) компонент воздействия. Данная стратегия актуализируется посредством тактики иллюстрирования (преимущественно апелляция к историческому факту)

- Стратегия создания положительной оценки посредством тактики названия достижений

- Стратегия самопрезентации посредством тактики солидаризации

- Стратегия убеждения через тактику эмоционального воздействия

- Стратегия оппозиционирования / «создания круга чужих» посредством тактики открытой/скрытой критики

- Стратегия призыва/побуждения к действию актуализируется через тактику аргументирования

- Стратегия убеждения, реализуемая посредством тактики указания

На синтаксическом уровне авторы при выборе единиц используют возможности акцентно-выделительной системы высказывания, на лексическом уровне обильно используют эмоционально-оценочную лексику.

Материал в тексте религиозного феминистского дискурса подается аргументативно и четко. Продуманно и намеренно выбираются языковые средства (лексемы и синтаксические конструкции) для достижения поставленной цели общения.

Таким образом, исламский феминистский дискурс направлен против дискурса патриархатной культуры, призывает к переосмыслению и преодолению властных зависимостей и стереотипов традиционной культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ:

1) Nayereh Tohidi Beyond Islamic Feminism: Women and Representation in Iran's Democracy Movement // Middle East program occasional paper series . – 2010. – С. 18-22.

2) Souad Eddouada Implementing Islamic Feminism: The Case of Moroccan Family Code Reform /Islamic Feminism: Current Perspectives // Tampere Peace Research Institute Occasional Paper. – 2008. – №96, ed. Anitta Kynsilehto. – С. 37-46.

3)

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ:

4) Коран, Тафсир ас-Саади, перевод Эльмира Кулиев [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://quran-online.ru/9/saadi

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ НА АНГЛИЙСКОМ:

5) Margot Badran. An historical Overview of Conferences on Islamic Feminism: Circulations and New Challenges [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://journals.openedition.org/remmm/6824

ЛИТЕРАТУРА:

6) Айвазова С.Г., Хасбулатова О.А. Гендерные аспекты политической социологии // Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. –М.: РОССПЭН, 2004. – 260 с.

7) Али-заде А. А. Махди // Исламский энциклопедический словарь. – М.: Ансар, 2007. – С. 495

8) Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – 685 с.

9) Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1973. – №1. – С. 85-95.

10) Арутюнова Н.Д. Прагматика // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. Гл. ред. В.И. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 389-390.

11) Арутюнова Н.Д. Пропозиция // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 401-402.

12) Арутюнова Н.Д. Референция // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 411-412.

13) Баженова И.С. Эмоции, прагматика, текст: Монография. – М.: Изд-во «Менеджер», 2003. – 392 с.

14) Баранов Х.К. Арабско-русский словарь. – Ташкент: Камалак, 1994. – 911 с.

15) Барт Р. Основы семиологии // Структурализм «за» и «против». – М.: Прогресс, 1975. – С. 114-163.

16) Басенко Г.В. Понятие речевого воздействия в комплексе смежных наук // Прагмалингвистика и практика речевого общения: сб. науч. тр. междунар. науч. конф. (28.11.2008 г.). – Ростов-на-Дону: ИПО ПИ ЮФУ, 2008. – С. 51-55.

17) Белошапкова Т.В. Когнитивно-дискурсивная парадигма лингвистического знания: принцип анализа дискурса (на материале категории аспектуальности) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2008. – №5. – С. 214-218.

18) Богданов В.В. Речевое общение: прагматические и семантические аспекты. – Л: Изд-во Ленин. гос. унта, 1990. – 88 с.

19) Богданов В.В. Текст и текстовое общение. – СПб: Санкт-Петербургский государственный университет, 1993. – 68 с.

20) Борисова И.Н. Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге // Русская разговорная речь как явление городской культуры. – Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 1996. – С. 21-48.

21) Брандт Г.А. Современный феминизм: переворот в историко философской традиции Западной Европы // Адам и Ева. Альманах гендерной истории, – М.: ИВИ РАН, 2003. – № 6. – С. 148-198.

22) Брандт Г.А. Философская антропология феминизма. Природа женщины. – СПб, 2006. – 160 с.

23) Броженко С.В. Стратегии и тактики речевого воздействия в рекламном дискурсе (на материале рекламный текстов банковских услуг) // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – №3. – С. 11-15.

24) Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю. – М.: Соцэкгиз, 1937. – 409 с.

25) Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. – М.: Высшая школа, 1980. – 224 с.

26) Звегинцев В.А. О цельнооформленности единиц текста Текст // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. – 1980. – №1. – С. 13-21.

27) Здравомыслова Е., Тёмкина А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // Социологические исследования, – 2000. – №11. – С. 15-24.

28) Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – 5 изд. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 288 с.

29) Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5-20.

30) Карасик В.И. Языковый круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

31) Карпова Н.А., Морева А.В. Коммуникативные тактики побуждения в речевом жанре (на материале административного объявления в русском и немецком языках) // Язык и культура. – 2010. – №1. – С. 24-32.

32) Кашкин В. Б. Введение в теорию коммуникации: учеб. пособие. //
М.: Флинта, 2013. – 224 с.

33) Кибрик А.А. Обосновано ли понятие «Дискурс СМИ»? // А.Г. Пастухов. Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. – Орел: OGIIK, 2008. – С. 6-11.

34) Кубрякова Е.С., Александрова О.В. О контурах новой парадигмы знания в лингвистике // Структура и семантика художественного текста. Доклады VII международной конференции. – М.: 1999. – С. 186-197.

35) Леонтьев А.А. Слово в речевой деятельности. – М.: Наука, 1965. – 245 с.

36) Леонтьев А.А. Язык. Речь. Речевая деятельность. – М.: Просвещение, 1969. – 214 с.

37) Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 277 с.

38) Малышева М.М. Гендерный калейдоскоп. Курс лекций . – М.: 2002. – 520 с.

39) Малышева О.П. Коммуникативные стратегии и тактики в публичных выступлениях (на материале речей американских и британских политических лидеров) // Серия: Филология. – 2009. – С. 206-209.

40) Матвеева Г.Г., Ленец А.В., Петрова Е.И. Основы прагмалингвистики. – М.: Флинта, 2013. – 232 с.

41) Матвеева Г.Г. Некоторые проблемы прагмалингвистики // прагмалингвистика и практика речевого общения: сб. Науч. Тр. Междунар.

42) Матвеева Г.Г. Объективные и субъективные ограничения свободы выбора коммуникантом лингвистических единиц // Личность,

речь и юридическая практика. Вып. 10. Ч.2. – Ростов-на-Дону: Дюи, 2007. – С. 9-13.

43) Матвеева Г. Г. Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица ("портрета") говорящего: дис. ... д-р филологических наук наук: 10.02.19. – СПБ, 1993. – 322 с.

44) Михалева О.Л. Политический дискурс как сфера реализации мани-пулятивного воздействия. – Иркутск: Иркут. ун-т, 2005. – 320 с.

45) Науч. Конф. (24.11.2007 г.). – Ростов-на-Дону: ИПО ПИ ЮФУ, 2007. – С. 206-211.

46) Олешков М.Ю. Моделирование коммуникативного процесса: Монография. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2006. – 336 с.

47) Падучева Е.В. Пресуппозиция // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. Ярцева В.Н.. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 396.

48) Салахова А. Г. Дискурс: функциональнопрагматический и функциональный аспекты: коллектив. моногр/отв. ред. Е. Н. Азначеева. – Челябинск: ЧелГУ, 2008. – 71 с.

49) Сковородников А. П. О необходимости разграничения понятий «риторический прием», «стилистическая фигура», «речевая тактика», «речевой жанр» в практике терминологической лексикографии // Риторика-лингвистика. Вып. 5. – Смоленск: СГПУ, 2004. – С. 5-11.

50) Степанов Ю. С. В поисках прагматики (проблема субъекта) // Известия АН СССР. Сер. лит. и языка. – 1981. – №4. – С. 325-332.

51) Стернин И.А. Фактор адресата в речевом воздействии // Вестник ВГК. Серия Филология. Журналистика. – 2004. – №1. – С. 171-178.

52) Столнейкер Р.С. Прагматика // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. Под ред. Е.В. Падучевой. Вып. 16. – М.: Прогресс, 1985. – С. 419-438.

53) Сусов И.П. К предмету прагмалингвистики // Содержательные аспекты предложения и текста. Калинин: КГУ. – 1983. – С. 3-15.

54) Сытникова Т.А. Сущность и специфика компьютерного дискурса как объекта лингвистического исследования // Вестник ИГЛУ. – 2008. – №3. – С. 142-149.

55) Тарасов Е. Ф. Методологические и теоретические проблемы речевого воздействия // Оптимизация речевого воздействия / отв. ред. Р. Г. Котов. – М.: АН СССР, Ин-т языкознания, 1990. – С. 5-18.

56) Темкина А.А. Феминизм: Запад и Россия // Преображение (Русский феминистический журнал), 1995. – № 3. – С. 5-17

57) Тютюнова О. Н. Коммуникативные стратегии и тактики судебного дискурса: на материале немецких и русских телевизионных передач: дис. ... канд филол. наук наук: 10.02.20. – Волгоград, 2008. – 27 с.

58) Успенская В.И. Феминизм до феминизма: идея равноправия полов в истории европейской социальной мысли, XV(XVIII) вв. // Гендерный калейдоскоп. – Тверь, 2000. – 42 с.

59) Формановская Н.И. Речевой этикет и культура общения. – М.: Высшая школа, 1989. – 159 с.

60) Фурье Ш. Теория четырех движений и всеобщих судеб. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1938. – 312 с.

61) Чернейко Л.О. Термин дискурс: поиски означаемого // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2006. – №2. – С. 34–41.

62) Чикалова И.Р. Женщины в истории: возможность быть увиденными // Сб. науч. ст. – Минск: БГПУ, 2001. – 320 с.

63) Шабанова Т.А. Метафорическое моделирование лингвокультурологической категории свои − чужие в феминистском дискурсе России и США: автореф. … канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2013. – 24 с.

64) Щепанская Т.Б. Система: тексты и традиции субкультуры. – М.: ОГИ, 2004. – 286 с.

65) Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л: Наука, 1974. – 428 с.

66) Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. – СПб.: Алетейя, 2007. – 544 с.

67) Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм "за" и "против". – М.: Прогресс, 1975. – С. 193-230.

68) Ярцева В. Н. Языкознание // Большой энциклопедический словарь 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ:

69) Гогиберидзе Г.М., Валентин Зюбер , Н. Гордон. Исламская энциклопедия [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://islamist.ru/%D1%85%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D1%81/

70) Кибрик А., Паршин П. Дискурс. Энциклопедия Кругосвет [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/DISKURS.

71) Липовская О.Г. Вторая волна феминизма. Тезаурус терминологии
гендерных исследований [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://gender.academic.ru.

72) Порошенко О.Ю., Харисова Т.А. Ускользающая женственность

или eat your make-up. Критика радикального феминизма [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://globkazan.narod.ru/2004/a15.htm

73) Успенская В. И. Феминизм. Происхождение понятия и современный смысл [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://community.livejournal.com/feministki/176203.html

74) Хасанова Г. Политическая концепция гендерного равенства: мировой и отечественный опыт [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.policy.hu/khassanova/paragraph1_1.html

75) Шевченко З.В. Словарь гендерных терминов [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://a-z-gender.net/feminizm-islamskij.html

ЛИТЕРАТУРА НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ:

76) Afshar, Haleh, Islam and Feminism: An Analysis of Political Strategies // Feminism and Islam: Legal and Literary Perspective, edited by Mai Yamani. – London,1996. – P. 197-216.

77) Afshari, Reza. “Egalitarian Islam and Misogynist Islamic Tradition: A Critique of the Feminist Reinterpretation of Islamic History and Heritage // Critique. – 1994. – Vol. 4 – P. 13-33.

78) Badran Margot. Feminists, Islam, and nation: gender and the making of modern Egypt. — Princeton, New Jersey : Princeton University Press, 1995. – 352 p.

79) Badran Margot, Islamic Feminism: What’s in a Name? Al-Ahram Weekly Online, 2002. – №.569. – P. 17-23.

80) Harris Z. Discourse Analysis. Language. – 1952. – Vol. 28. №1. – P. 1-30

81) Hoey, M. The Place of Clause Relational Analysis in Linguistic Description. English Language Research Journal. – 1983/4. – Vol. 4. – P. 32

82) Marshall G. The Concise Oxford Dictionary of Sociology. – Oxford Univ. Press, 1994. – 592 p.

83) Miriam Cooke, Women Claim Islam. – New York: Routledge, 2001. – 175 p.

84) Muhammad S., Dr. Arab Naz, Waseem K., Umar D., Qaiser K., Muhammad H., Feminist Discourse Analysis in Islamic Feminism. Global Journal of human social sciences, Political Science. – 2003. – Vol. 13. – P. 29-36.

85) Pike, K. L. The Mystery of Culture Contacts, Historical Reconstruction, and Text Analysis: an Emic Approach. The Importance of Purposive Behavior in Text Analysis. Edited by Kurt R. Jankowsky. Washington: Georgetown University Press. – 1996. – P. 65–86.

86) Roald Anne Sofie. Feminist Reinterpretation of Islamic Sources: Muslim Feminist Theology in the Light of the Christian Tradition of Feminist Thought // Women and Islamization: Contemporary Dimensions of Discourse on Gender Relations. Karin Ask and Marit Tjomsland Ed. Oxford and New York: Berg, 1998. – P. 17-44.

87) Rorty R. Philosophy as a Kind of Writting. Consequences of Pragmatism. Brighton. – 1982. – P. 107-108.

88) Schiffrin, D. Approaches to Discourse. Oxford: Basil Blackwell. – 1994. – P. 20-43.

89) Soroush, Abdolkarim. Reason, Freedom and Democracy in Islam: Essential Writings of Abdolkarim Soroush. Translated, Edited, and with a Critical Introduction by Mahmoud Sadri and Ahmad Sadri. – New York: Oxford University Press, 2000. – 236 p.

90) Tuttle L. Encyclopedia of Feminism. – New York (Arrow Books), 1986. – 399 p.

91) Valentine M. Moghadam. Modernizing Women: Gender and Social Change in the Middle East. – Boulder. Lynne Reinner Publishers, 2013. – 332 p.

92) Van Dijk T. Ideology: a Multidisciplinary Approach. London: Sage. – 1998. – 365 p.

93) Wadud, Amina, Qur'an and Women: Rereading the Sacred Text from a Woman's Perspectives. Publisher: Oxford University Press; 2 edition. – New York, 1999. – 118 p.

94) Yusuf al Qaradawi. Approaching the Sunnah: Comprehension and Controversy. 1st Ed. Virginia: International Institute of Islamic Thought. – 2006. – 234 p.

95) Zamila Abdul Rani, What is islamic feminism? Promoting cultural change and gender equality, Proceeding of the 2nd International Conference on Management and Muamalah. – 2015. – P. 248-254.

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

96) Moghadam, V.M. Islamic Feminism and its discontents: Towards a Resolution of the Debate. Journal of Women in Culture and Society, 27(4), 1135 – 1171, 2002. [Электронный ресурс] // Режим доступа:
https://org.uib.no/smi/seminars/Pensum/Moghadam,%20Valentine.pdf